

18+

Вячеслав Шабуров

ВИДЯЩИЄ СНИ

Пелена света

Вячеслав Шабуров

Видящие сны. Пелена Света

«Издательские решения»

Шабуров В.

Видящие сны. Пелена Света / В. Шабуров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-591207-7

Каждый из нас вовлечен в то, что происходит вокруг, наши решения наяву оказывают огромное влияние на жизнь. Как и удивительные сны, цепочки событий которых переплетаются с реальностью и вымыслом, создавая мир настоящего, многогранный мир обусловленностей. Резкие повороты судьбы сбивают с ног, но напоминают нам о самом главном — что мы существуем. Как и все мы, главные герои попадают в круговорот событий, который, в свою очередь, уносит их далеко за границы обыденного понимания окружающих вещей.

ISBN 978-5-00-591207-7

© Шабуров В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. За столом напротив	6
Глава 2. Такой знакомый голос	11
Глава 3. Са Va	15
Глава 4. Странные песочные часы	18
Глава 5. Исследовать уголки прошлого	24
Глава 6. Довериться случаю	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Видящие сны Пелена Света Вячеслав Шабуров

© Вячеслав Шабуров, 2024

ISBN 978-5-0059-1207-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. За столом напротив

«Ритм сердца»...

Знали ли вы, что, пока мы спим, наш организм продолжает активно работать? Одни процессы в нем активизируются, другие, напротив, прекращаются. Следить за телом во время сна мы не в силах, а ведь с нами чего только не происходит. Казалось бы, положение лежа и отсутствие необходимости физической и умственной активности должны выражаться в состоянии абсолютного покоя. На самом деле тело продолжает реагировать на сторонние раздражители, такие как свет, шум, температура в помещении.

Недавнее исследование показало, что мозг может обрабатывать информацию и готовиться к деятельности во время сна, эффективно принимая решения в бессознательном состоянии. Фактически наш мозг может даже сделать важные выводы и открытия, пока мы спим.

Не странно ли, вам так не кажется?

Засыпая, и в последующих переходах из одной фазы сна мы постепенно переходим к другой, более глубокой, чем прежняя, тем самым мы лучше восстанавливаем свою энергию, свои силы.

А что если нет границ той степени сна, которой мы можем достигнуть, а что если...

(Лириан): Доброе утро! Вы будете что-нибудь заказывать?! Вам как обычно?! Вам как обычно?

Ко мне подошла Лириан, официантка из ближайшей кофейни от места, где я живу. Я ее слышал, вот только отреагировать пока что не мог, слишком погрузился в свои мысли и совсем забыл, что я сижу за двухместным столиком возле окна, через которое можно увидеть пару машин, стоящих на парковке и несколько магазинов, один из которых цветочный магазин Les Fleuristes, что в переводе – «Флористы», цветочники или как их еще называют..., ладно, как уже можно было догадаться, что сейчас я во Франции, а если быть еще более точным, то в замечательном городе – в Париже. К моему сожалению, скорее всего, я недолго пробуду тут.

(я): Да-да... Лириан, извините меня, я немного отвлекся и совсем забыл, что я так и не сделал заказ.

(Лириан): Ничего страшного! Я уже немного привыкла к таким гостям. Вы можете не волноваться за это! Значит, вам как обычно?!

(я): Да, будьте так добры! Спасибо вам.

Пролистывая свои мысли в голове, как пролистывают спешно книгу с картинками, за последние несколько дней мне на ум пришли воспоминания, которые с достаточно много вложенными силами пришлось сохранить у себя в памяти, воспоминания о последнем сне. Обычно люди, да и я в их числе, успешно забывают свои сны, то, что они делали, кем были, с кем они вели беседу или просто находились рядом – эти все воспоминания как будто стираются на утро, как будто мимолетное видение должно показать только свой хвост, при этом мы не понимаем, что это за существо, не понимаем, куда оно движется и зачем.

Ах да, последний сон, сон был про кофе, в прямом смысле про кофе, про то, как я собирал семена с обширных полей, и про то, как потом мы с рабочими отдыхали от этой достаточно трудоемкой и уж точно невысоко оплачиваемой работы. Только вот есть один нюанс, который запомнился больше всего, сейчас постараюсь в очередной раз его вспомнить, детально вспомнить, чтобы поддерживать это воспоминание, лелеять его, как росток красивого цветка, чтобы не погас его свет, чтобы можно было понять.

(Лириан): Пожалуйста! Ваш кофе. Как всегда, капучино с корицей.

(я): Да, Лириан, конечно же.

«В этой стране люди очень приятны в разговорах, да и язык, переплетения его очень необычны и так и увлекают на продолжение диалога, мне здесь очень нравится, думаю, что

останусь здесь дольше, чем где-либо, – подумал я и хлебнул немножко кофе. – Ох-х эта Франция».

По дороге к этому кафе взял газету, которую обычно выбрасываю за ненадобностью, но в этот раз оставил её. И вот, я уже сижу в приятном заведении, попиваю кофе и смотрю на обложку этой газеты – там написано: «Мы везде можем творить свою судьбу, делать то, что приносит пользу», – это не главная фраза на обложке, она находилась сбоку, ближе к правому углу, и не особо бросалась в глаза. Что-то в этом есть, я опять ушел в себя, правда ли это так, возможно, это и так, а может быть, слишком большое значение предаю ненужным вещам.

Хмурая погода навлекает странные мысли, не так ли?

Наталкивает людей на определенные чувства, будто краски в наших глазах меняют оттенки всего происходящего вокруг, хмурая погода – хмурые цвета. Кстати, наверняка у всех в жизни были моменты, когда ты начинаешь погружаться в атмосферу чего-то необычного, допустим, когда резко меняется погода, как сейчас, к примеру, и все вокруг тоже поддается изменению: люди, природа, вещи, свет, как будто само вдохновение навлекло эти изменения и вот-вот придет к тебе на встречу.

Пошел дождь. А я все продолжал делать глотки кофе, уже под слабенький стук дождика по стеклу. Все же хотелось бы в скором времени покинуть это замечательное место и вернуться к себе домой, но, увы, не так быстро, с погодой будет сложно договориться, зонтик остался дома. Уж очень не хочется промокать, ведь на мне недавно купленное пальто, пошитое из ткани, которая по своим свойствам должна не так быстро пропускать влагу, как это есть на самом деле, моим брюкам и моим коричневым туфлям – кстати, они мне очень нравятся – будет трудно пробираться по столь быстро разрастающимся лужам. «Ха-х... к моему образу не хватает только шляпы!» – понял я в этот момент.

«Хмм, нужно будет обязательно купить ее», – проговорил вслух и не заметил этого.

Тем же временем рядом на остановке.

(Роза): А я ведь говорила, что пойдет дождь! Мы как всегда, зонтик нам ни к чему...

(Роза): Ну что, теперь понесешь меня на руках? Или мне идти по этим большим лужам на моих каблуках? Что скажешь?

(Роза): Почему ты молчишь, Джон?

(Джон): Что я могу ответить тебе? Я виноват, но это не значит, что дождливая погода – плохая погода. Думаю, что будет лучше, если мы зайдем в это уютное кафе возле нас, переждем дождик, и даже может кто-то подарит нам зонтик!

(Джон): Пошли.

Мы познакомились с Розой не так давно, пару недель назад. Мне нужны были новые отношения, очень хотел этого. Сейчас понимаю, спустя короткий промежуток времени, что, возможно, я слишком переоценил свои силы и понимание того, на сколько девушка может быть циничной и при этом ничего из себя не представлять, разве только размалёванную куклу. Наверное, мне это и нужно было.

Джон и Роза заходят в кафе.

В кафе уютно. Людей не так много, большинство так же, как и мы, сбежали от погоды, укрывшись пледами и глотками теплого кофе. Ох, люблю такие моменты в жизни, когда все твои мысли сбиваются с какой-то намеченной твоим мозгом дорожке «как ты проведешь сегодняшний день», на другую дорогу. Я бы даже сказал на бездорожье, где мысли гуляют в хаотичном вальсе в твоём сердце и в твоём сознании. Ведь действительно внезапная смена твоего плана, да и еще на такую более романтическую обстановку, чем была до этого, заставляет тебя мечтать и наслаждаться жизнью.

«Ох, как мне этого не хватало в последнее время, прошлые отношения совсем пошли под откос, уже прошло достаточно времени, чтобы расслабиться, Джон, ты сможешь, – говорю я сам себе, – да, все не так гладко начинается с такой дамой, как...»

(Роза): Какая противная все же на улице погода, как хорошо, что рядом есть хоть какое-то приличное кафе! Куда нам сесть? Хотелось бы у окна.

(Роза): Ты меня слышишь?! Куда идти? Хочу уютное место найти, но пока не вижу его.

И все же она не так плоха, немного капризная, разбалованная девушка, но все же воспитанная, хоть и не всегда следит за тем, что говорит. Женщины, почему я уязвим перед вами, так и хочется иногда спросить себя: «Что, не можешь сам, без женщин?! А, Джон?», – но от этого вопроса я впадаю в ступор, мой мозг начинает скрежетать винтиками со звонким визгом, который оглушает меня, пока продолжаются размышления на эту тему, поэтому стоит остановиться и сейчас, хватит думать, пора действовать – так мне говорил мой отец? Я уже и не помню этого старика, а жаль, советы от него сейчас бы оченьгодились, ладно, она не так уж и плоха, не так уж и плоха, остановимся на этом.

(Джон): Мы могли бы сесть вон у того столика, Роза, столик, который у окна, дальний.

(Роза): Не вижу, куда ты показываешь, Джон, можешь поточнее? Куда ты идешь?!

(Джон): Пошли! Дальше того мужчины в пальто с газетой, уютное место, как ты и хотела.

Как ты и хотела, мы нашли, где присесть, дорогая Роза. Надеюсь, что дождь скоро пройдет и мы уберемся с этого чертового кафе куда-нибудь на очередную прогулку или в гостиницу, что неподалеку. Закажу себе чай, интересно, что будет она, ведь еще не время пить шампанское или вино, хотя, судя по всему, ее это не остановит, стоп, тогда мне придется поддержать ее или даже самому предложить! Какие странные мысли, я ведь не хотел выпивать, особенно днем, но сейчас уже придется, все ради женщин, все ради дам.

(Джон): Мне черный чай с ликером, пожалуйста, Роза, а ты что будешь?

(Роза): Джон, ты опять заказал алкоголь посреди дня, почему тебе это так нравится, ведь еще не ночь и даже не вечер, ох, простите его, он совсем не знает, когда стоит начинать выпивать!

(Официантка): Так что вы будете?

(Роза): Мне то же самое и круассан, пожалуйста.

Как это глупо было с твоей стороны, Джон, рассчитывать на то, что она не подставит тебя под дуло пистолета и не толкнет первого на спуск с горы, чтобы понять, насколько сильный уклон и много ли камней упадет вместе с тобой. Какой же я наивный дурак, как обычно, повелся на поддавки, хотя знал ведь, знал, я не хотел начинать выпивать днем, ну хорошо, если быть честным по отношению к самому себе, немного хотелось выпить, но сейчас я сделал это только исключительно из побуждений защиты слабого пола, разве она могла взять на себя столь большую ответственность за то, что нас могут посчитать немного странными людьми, которые днем заказывают выпивку, нет, не могла, поэтому пришлось мне, храброму бойцу свободы мысли и свободы действия взять на себя эту ответственность, сынициировать, ринуться в бой этой обыденной жизни и уже устарелому укладу выпивать только вечером и ночью!

Официантка пришла с заказом Джона и Розы.

(Официантка): Вот, пожалуйста, что-то еще заказывать будете?

(Джон): Нет, спасибо, этого достаточно.

Может даже этого достаточно для всей моей жизни, кто знает.

(Роза): Джон, а ты знаешь, что я не смогу выйти на улицу, если дождь не прекратится!

(Джон): Почему же?

(Роза): Потому что у меня каблуки, Джон, они не выдержат такой погоды, как и я, разве тебе непонятно, что мы не можем пойти пешком, если дождь продлится?

Пока Розалия объясняла мне, почему ее очень нежные каблуки, дорогие каблуки, вместе с ее еще более дорогими ногами не могут пойти под дождем вместе с ней самой, еще более дорогой, бесценной, я заметил интересную надпись на газете за столиком напротив, я сидел и смотрел в ту сторону, где был мужчина в пальто с газетой, который послужил нам маятником, отметив его, мы нашли наше место в этом кафе. На газете красивым, но небольшим шрифтом,

сбоку, ближе к правому углу было написано: «Мы везде можем творить свою судьбу, делать то, что приносит пользу», как странно, как будто я уже видел эту надпись где-то, обычно я газеты не читаю и не просматриваю, даже если она на руках близкого мне человека, ведь не считаю этот источник информации важным источником, а скорее даже нужным. В скором времени этот мужчина перевернул лист обложки так, что газета сложилась пополам, но при этом оставалась прямоугольной формы, для своего удобства, но эта надпись, это предложение, эти слова погрузили меня в раздумье о многих вещах, как все-таки странно, что я обратил внимание на эту надпись в газете, неужто мне стало настолько скучно от рассказов Розы, которая все рассказывала без умолку уже о своих недавно купленных платьях и сережках у своей подруги, да и ликера в чае слишком мало, чтобы я начал интересоваться чужими газетами в такой дождливый день.

(Роза): Джон! Ты меня слушаешь, я говорила тебе о новых знакомых, что переехали из другого города и привезли нам сувениры, мы должны обязательно навестить их, Джон...

(Джон): Да-да, надо будет зайти к ним на днях. Надеюсь, они будут рады нас видеть.

(Роза): Конечно, рады! Мы давно не виделись, я уже очень соскучилась по Силоне, по ее угрюмому лицу... ах-ах-ах.

Надеюсь, они будут рады нас видеть, ведь последняя встреча с ними огорчила их, как мне кажется. Эти люди знакомы с тобой, Роза, а вот со мной они мало знакомы, но, конечно же, ты думаешь, что все мы отлично ладим и последняя встреча – это не иначе как просто все выбились из сил и поэтому не захотели продолжать вечер, вечер с беседами совсем мне незнакомыми, с веселыми и одновременно угрюмыми лицами, их неискренние улыбки и натянутые шутки за густые, очень густые волосы запомнятся мне на много лет вперед. Знаешь, Роза, мне совсем не нравятся твои знакомые, я понимаю, бывают разные люди и каждого человека воспитывали в определенном окружении, с определенными манерами и стилем семьи, но этот стиль... их стиль жизни в разговорах и поведении в узком кругу, он маскируется под *comme il faut*, как хамелеон маскируется под окружающую среду, чтобы скрыться от хищников или напасть на добычу, вцепившись в нее липким и сильным языком, но, убирая один слой за другим меняющей цвет кожи, сам по себе их стиль будет не чем иным, как *mauvais ton*. Уж если мы собираемся встретиться с ними вновь, постараюсь сделать все, что смогу, чтобы побыстрее свалить от них и от твоей наивности, Розалия.^{1 2}

Молодой человек, что напротив стола Джона и Розы, остановился читать газету, сложил ее пополам еще в один слой и положил рядом с собой на столик, он выпрямился на некоторое время, немного покачал головой в разные стороны, только не сильно, так, украдкой, не для всех, только для себя, кончиком пальца дотронулся до носа, это было сделано очень быстро и профессионально, со стороны казалось, что это необходимый ритуал, будто случился переход из одного ждущего состояния в другое, в котором он задумчиво начал смотреть через окно кафе, и только иногда поправляя свое пальто одной рукой, очень мимолетно, ненадолго отводил взгляд в сторону. Он был задумчив, его мимика на лице едва показывала то, что он чем-то озадачен, да и все выражение лица его было довольно серьезным, черты приятные и скулистые, глаза желто-карие, аккуратно побритое лицо, волосы его были темно-коричневыми, какой-то определенной стрижки не было, хорошо уложенные густые волосы, на шее виднелся воротник от рубашки, темно-синей рубашки, а сверху нее, аккуратно висел кардиган, из тех открытых кардиганов, что не застегиваются пуговицами, он был темно-серого цвета, пальто его было также на нем, по цвету больше всего походило на цвет коры деревьев, такой темно-коричневой коры, даже по ткани создавалось такое впечатление, что оно было сшито из слоев

¹ *Comme il faut* – «комильфо» в переводе с французского означает: как должно, как следует, – так говорят о том, кто благовоспитан, или о том, что отвечает правилам приличия. Толковый словарь.

² *Mauvais ton* – «моветон» в переводе с французского означает: манеры, поступки, не принятые в хорошем обществе, дурной тон, невоспитанность. Толковый словарь.

коры дерева, тех самых тонких слоев, которые можно заметить, когда берешь в руки кусочек и переворачиваешь, чтобы посмотреть на внутреннюю часть.

Погода не оставляла выбора людям на улице, они разбегались, как муравьи, по разным кафе и магазинам, со временем можно было заметить, что на дороге появилось все больше такси, а людей все меньше, и все пространство улицы заполнили темно-серые круги – зонтики, – улица не самая проходимая, поэтому и кругов этих было не так уж и много, некоторые из них открывались только тогда, когда выходящий из такси человек был уже полностью мокрый, что придавало этому моменту открытия зонтика некоторый ироничный смешок, якобы от погоды, которая прекрасно знала, насколько ее стихия может быть неподвластной и как понапрасну все эти люди пытаются уйти от этого явления, скрываются под темно-серыми кругами, как это смешно и наивно выглядит со стороны, конечно, пока сам не оказываешься в такой ситуации, тогда приходится защищаться от того, чтобы не промокнуть, от почти бесконтрольного явления.

Этот небольшой дождик постепенно превращался в серьезный ливень, что может усыпить одинокого человека в кафе, если тот пригреется каким-нибудь напитком и его ароматом, а может даже и разбудить мило спящего уставшего от всей суеты ребенка, которого мама еле затащила в теплое помещение и не оставила и шанса попрыгать в новой обуви по лужам. Удары дождя по стеклу витрин становились очень тяжелыми, можно было и не прислушиваться к этим стукам, их было слышно на фоне довольно отчетливо, даже на фоне очень эмоционального разговора эти звуковые эффекты были не менее яркие, чем сам разговор, и ритмичные тоны разной величины сопровождали каждого, бились о разные поверхности, звуки вокруг, создавали мелодию погоды, прекрасную мелодию природы, мелодию дождя, погружая некоторых людей в глубокий сон.

Глава 2. Такой знакомый голос

Как я могу это сделать, в высшей академии меня учили доверять своим крыльям, но на деле сейчас, как оказалось, это очень сложно, как, как я могу сделать это?

(?): Тебе придется сделать это... мы ведь готовились.

(?): Знаю, не напоминай, а то мне становится еще хуже.

(?): Хуже от чего? Почувствовать истинную свободу в движении?

(???): Может и так, я понимаю, что я шел к этому все свои учебные годы, но не думал, что решиться так сложно.

(?): Этот шаг и означает, что ты веришь в то, к чему ты шел! Не забывай это.

Может быть мой «шаг веры» наступил не сейчас, откуда тебе знать, да и кто может сказать с точностью, только небосводные глифы об этом говорят, вдруг эти древние учения ошибаются.

Мешающие мысли пришли только сейчас, как давно я их не слышал в себе, сомневаться так долго я не имею права, раз принял этот путь – пора...

(???): Ты всегда поддерживала меня, пусть твои крылья не отражают свет.

(?): Мои крылья будут рядом с твоими, Свободой едины.

(???): Свободой едины.

(я): О нет.

(Лилиан): Что нет? Я говорю, с вами все хорошо? А то вы на некоторое время закрыли глаза, я подумала, может быть, вам стало плохо.

(я): А, все хорошо, Лилиан, спасибо тебе за беспокойство, принеси счет, пожалуйста, я оплачу.

(Лилиан): Я рада, да, сейчас.

Так значит я уснул, опять, н-да... можно подумать, что я и правда больной или захворал, надо бы лучше себя контролировать, чтобы больше не было косых взглядов, как наподобие вот этого, от человека, сидящего впереди меня за столом с девушкой, если я правильно помню по возгласам девушки, его зовут Джон, хоть эти моменты помню, хорошо, что я не уснул еще раньше, так вот, Джон, пора бы перестать пялиться на меня и разглядывать, со мной все хорошо, будь в этом уверен, лучше обрати внимание, что у твоей дамы закончился чай, пора бы налить что-то покрепче, я думаю, хотя это всего лишь мои мысли, ты их верно не слышишь.

На улице все еще шел дождь, надо было бы уже покинуть это кафе, но откладывал это действие все дальше и дальше по времени, признаться, уж очень не хотелось промокнуть, но выбора у меня на тот момент не было, по крайней мере, до остановки добежать я смогу, пусть даже намокну немного, что сделаешь, зонтик остался дома.

(Лилиан): Ваш счет.

(я): Спасибо тебе.

Может это покажется странным, но, после того как оплачиваешь счет в каком-либо заведении, оставаться в нем на долгое время, со временем становится все сложнее и сложнее, как будто после оплаты того, что выпил и съел, как бы освободил то место, которое ты занял, хоть все еще находишься в заведении на этом месте, счетчик начинает тикать и приходит понимание.

«Что, если нет причин оставаться тут дальше, что же я здесь делаю» – такое понимание пришло и ко мне сейчас, но причина оставаться у меня была – это ливень, очень хороший, мощный, намокнуть я успею, пока добежу до остановки, правда, насколько сильно, все зависит от моих навыков переступания через лужи и скорости, с которой побегу, с надеждой на то, что нигде не оступлюсь и автобус придет быстро.

Направляясь на выход заведения, в котором я успешно уснул, стоит отметить, что дождливая погода всегда клонила меня в сон, я вспоминал слова, которые говорил во сне, сде-

лав быстрый рывок от входной двери кафе к остановке, мне вспомнились некоторые отрезки того, что я видел, что меня окружало. Тем временем, добежав до остановки, укрылся под ней. Ливень все с такой же силой поливал все вокруг. По расписанию автобус должен был прийти через десять минут, может, он и опоздывает – с такой-то погодой.

Отчетливо помню небо и огромную, просто бездонную высоту, с которой я наблюдал, смотрел вниз, в эту бездну, очень красивую и облачную бездну, как будто я забрался на гору Эверест, а может, даже и в разы выше, было довольно светло в том сне, везде был яркий свет, я точно знаю, что там было несколько звезд, как наше солнце, они тоже светили и освещали то место, несколько солнц, значит, это не Земля, не планета Земля, да и земли вокруг моего взгляда не увидел ни кусочка, это точно не наша планета, стоя на остановке и рассуждая об этом в уме, у меня по телу пошла дрожь – либо от того, что на улице уже достаточно похолодало из-за непрекращающегося дождя и мое тело начинает понемногу замерзать, либо в связи с такими яркими ощущениями от того места во сне, где я побывал, к тому же странно, я побывал, а кто такой «я» был там, т. е., конечно, это был я, чувствовал все, видел все, абсолютно не чувствовал, что я куда-то делся из нашего мира в мир снов и иллюзий, нет, такого не ощущалось, чувствовал себя там так же, как и сейчас здесь..., кто же этот «я»...

Вспомнил, у меня были крылья, я их чувствовал, но на тот момент, это не было необычным чувством, это было схожее чувство, как чувствую свои конечности сейчас, которые, кстати, замерзли уже очень хорошо, отлично, вижу, как на нашу улицу поворачивает нужный мне автобус, немного согреюсь.

Зашел в автобус и сел на дальнейшее свободное место, надо хорошенько поразмыслить, всегда удивлялся раньше в школе, чем так хороши последние места в классе, ведь у некоторых более хулиганистых ребят они были в почете, а вот у любителей учиться и познавать новое, умниц и умников, наоборот, не было уважения к этим местам, якобы там сидят отшельники класса, тем, кому все равно, как будто первые места дают какой-то лучший статус, чем последние, это очень любопытно, сам-то я сидел где-то в центре, был средним учеником в школе, не умником и не хулиганом, но все же не понимал этого разделения на первые парты и последние, как не понимаю и сейчас, правда, я пришел к интересному выводу по этому вопросу, кажется, что со временем начинаешь понимать плюсы дальних мест и задних парт, по моему опыту и ощущению эти плюсы заключаются в том, что тебе не нужно разглядывать в упор ту информацию или того человека, который передает ее, а нужно взять некоторую дистанцию между тем, за чем ты наблюдаешь, и постепенно улавливать информационные потоки, исходящие с той стороны, в которую направлен твой интерес. Еще один плюс того, что садишься на последние, задние места и наблюдаешь, так это то, что находишься в поле зрения минимум человек, будь то в аудитории, классе или в другом общественном месте, большинство людей там, впереди тебя, по бокам, они не мешают твоему взору, не мешают тебе сосредоточиться на главном, ты не чувствуешь, что кто-то дышит у тебя за спиной, как и точно уверен, что за спиной у тебя никого не может быть, а значит, ты в безопасности, и уж точно некому обсуждать тебя за спиной, и никакая девушка твоего сердца не оказывается позади, она всегда будет впереди, ты сможешь наблюдать ее, и, конечно же, самое главное – задние места помогают хорошо войти в процесс размышления о чем-либо, при этом контролируя все происходящее вокруг, какие потрясающие плюсы этих задних рядов и мест, потому я присел на заднее двухместное сиденье.

Итак, кто такой «я» в том сне, для того чтобы понять это, потребуется время, сейчас понятно, что у меня были крылья, сам я находился очень высоко, но что было подо мной так и не понял, в основном мой взгляд был направлен вдаль и чуть-чуть вниз, кажется, сейчас я осознал, что там, мне необходимо было сделать шаг... ах да, «шаг веры», после чего точно понимал в тот момент, что начну падать вниз, туда, в эту глубокую, освещаемую несколькими солнцами бездну, состоящую из облаков или что-то похожее на них и воздуха (их воз-

духа), помню ощущение того, что мне было сложно решиться, я был не полностью уверен в этом, но точно могу сказать, что мне было необходимо это сделать, я шел к этому всю жизнь, готовился к этому моменту, нужно было «почувствовать истинную свободу в движении», как сказала та девушка! Точно, там была девушка, она поддерживала меня, но я, к сожалению, не видел ее лица и тела, только силуэт, это все из-за яркого света, сейчас я почувствовал, что точно знал ее, был с ней знаком, очень теплые чувства нахлынули, вспоминаю ее голос, ее слова, что же она мне сказала, перед тем как собрался сделать шаг... вспомнил, я пожелал ей – «Пусть твои крылья не отражают свет».

А она ответила мне – «Мои крыл...»

(–): Мои крылья будут рядом с твоими, моя дорогая!

Этот голос, откуда он, точно не из моей головы...

(–): Держись, у тебя все получится, не думаю, что, если ты уволилась, ты сразу растолстеешь...

(–): Да и кто толстеет от пару кусочков тортика на ночь?

На некоторое время я растерялся, хоть эти слова, сказанные женским голосом, были в точности теми, что в моем сне, но они вернули меня обратно на землю, сильно не подавая вида, я пытался выяснить, кто ведет беседу и с кем, а главное – где, ведь слышно было очень отчетливо, такой знакомый мне голос, очень приятный, этот голос точно не мое воображение, ведь так...

(–): Да-да, ты, конечно, можешь заняться спортом на следующее утро, но лучше найди новую работу.

Начал присматриваться к людям, сидящим впереди, похоже, что никто из них не разговаривал между собой, к тому же я не слышу, чтобы ей отвечали, это означает только одно – что она разговаривает по телефону с кем-то, где же ты, никак не найду, кто говорит, можно подумать, что это просто, определить по звуку, где находится человек, откуда исходит голос, но на самом деле не так просто, как кажется, особенно в движущемся автобусе по плотно забитым дорогам, где каждая из проезжающих машин сигнализирует друг другу вслед, кстати, не стоит также забывать о том, что сейчас век цифровых технологий и нейросетей, поэтому к звукам улиц можно смело прибавить звуки, исходящие из гаджетов почти каждого из пассажиров в автобусе.

В этой симфонии различных мелодий и сигналов машин, едва различимо можно было услышать женский голос, говорящий что-то своему собеседнику по телефону, и этот голос не разговаривал так, будто хочет, чтобы его слышали все сидящие вокруг пассажиры, а довольно кротко и негромко, из чего можно было понять, что человек, который разговаривал, знаком о приличиях в общественных местах, что подметил я буквально в последнюю секунду, до того как повернул голову направо, параллельно моему месту, и наконец нашел тот голос, что так похож на голос из моего сна. Немного смущая человека, сидящего рядом со мной, так как он был расположен возле прохода, я как бы сквозь него, немного наклонившись, выглядывая, увидел девушку, она была вполоборота, сидела также у окна, наклонившись и немного повернув голову к окну, у нее были длинные пряди каштановых, очень приятных на глаз цвет волос, они немного переливались в цвете проезжаемых нами витрин и различных фонарей, левой рукой она держала телефон, загораживая тем самым свое лицо, рука ее была искусно манящей, довольно тонкие пальцы, но не слишком, которые очень искусно держали телефон, только иногда, немного убирая его от уха, поправляла свои волосы и снова продолжала разговор со своим собеседником, по кисти и немножко виднеющийся руке из-под рукава можно было понять, что девушка худого телосложения, на ней был тренч карамельного цвета, а под ним виднелась крупно вязанная кофта бежевого цвета, на ногах были надеты каблук темного оттенка, размером с хрустальную туфельку.

(я): Какая приятная девушка...

Сказал я это вслух.

(??): Вы мне? Спасибо, очень приятно.

Смущенно ответила мне женщина, сидящая рядом со мной.

Еще некоторое время я сидел и смотрел на волосы, очертания фигуры и слушал ее замечательный голос, при этом не замечая, что только что сказал свои мысли вслух. О боги, очарованный таинственностью той девушки и ее голоса, совсем не заметил, что сидящая рядом женщина думает, что я смотрю на нее и при этом делаю ей комплименты, как неудобно получилось, пора переставать выглядывать, чувствую, что это плохо закончится.

Тихо доносятся французские выражения из кабины машиниста автобуса.

(Водитель автобуса): Тебя не учили ездить?! Хватит стоять на месте, мы и так в пробке.

Кажется, мы попали в некоторый затор на одной из улиц, мое внимание резко перешло на сложившуюся ситуацию, с учетом того, что уже пару раз всех нас в автобусе хорошенько дернуло, после чего поступили некоторые комментарии от водителя и сейчас мы стоим на месте.

По громкоговорителю слышится голос водителя.

(Водитель автобуса): Уважаемые пассажиры, просьба сохранять спокойствие и порядок!

Началось некоторое обсуждение всей этой ситуации в автобусе, что привело к бурному уже участию моей соседки по месту в автобусе, которая временами поглядывая игривым взглядом на меня, доставала телефон и каждый раз что-то печатала в одном из мессенджеров своего гаджета.

Водитель автобуса открыл дверь из кабины и вышел на улицу.

И правда кто выдает права таким наглым людям, слышались некоторые детали, что остановились мы из-за впереди остановившегося водителя такси, который, в свою очередь, чуть дальше остановки высадил клиента, но по итогу намертво встал и не пропускал наш автобус, что, конечно, очень начало злить не только водителя автобуса, но и всех пассажиров. Я, напротив, не долго оставался в некотором напряжении, начал задумываться, почему именно сейчас все это случилось, хорошо, что ничего серьезного не произошло, как много может произойти с человеком за пять минут, голос из сна, внеплановая остановка автобуса, из которого мы, судя по всему, постепенно будем выходить, как это уже началось сейчас.

Стоп, голос, девушка, я резко повернул голову из стороны окна в сторону, где она сидела, место было пустым, ее там не было, немного привстав и оглянувшись по всему автобусу, я начал искать ее взглядом, очень тщательно, как упавшую пуговицу или монетку ищут посреди набитой людьми комнаты, смотрел людям в лицо и пытался заглянуть за спину тех, кто стоял очень раскованно и занимал много места, будто та девушка могла спрятаться за ними, как за стеной или за деревом... как глупо, я потерял ее, двери в автобус были уже несколько минут открыты водителем, автобус стоял неподалеку от остановки, скорее всего, она вышла... как глупо, как глупо было отвлечься и окунуться в свои мысли, забыть про такое интересное совпадение, совпадение голоса и образа, хотя откуда я могу знать ее образ, ведь толком не разглядел ее, совсем не знаю, как она выглядит, не видел ее лица, быть может, это и правда всего лишь совпадение.

Немного потерянный, я встал и попросил любезную женщину дать мне выйти, прошел до конца автобуса и с надеждой увидеть похожую фигуру и одежду, волосы, неспешно начал разглядывать людей через заднее окно, которое было в каплях от дождя, ах да, на улице все еще шел дождь, уже не такой сильный, умеренный дождь, с пониманием того, что дождливая погода не оставляла мне и малейшего шанса найти ее среди темно-серых кругов, наверняка у этой девушки был зонт, я направился на выход, к счастью, идти с того места, где мы застряли, к моему дому было не далеко, уверен, что сейчас промокнуть насквозь уже не кажется страшным делом, наоборот, очень даже хорошая идея, я понял, что мне это нужно.

Глава 3. Ca Va

Остановка, возле которой произошло это событие, называлась Square de l'espoir, от названия можно было догадаться, что неподалеку находился небольшой сквер, он был довольно уютным и тихим в обычное время, а сейчас, в такой дождливый день, людей в нем совсем не осталось по понятным на то причинам, мало кто захотел бы промокнуть до нитки. Если пройти по этому скверу, то можно заметить его отличительные, милые черты, из-за его небольших размеров, даже во время хорошей погоды, здесь можно встретить небольшое количество гуляющих, в основном его посещают люди, которые живут неподалеку, довольно удобно иметь такое место рядом с домом, но есть и прохожие, которые торопятся по своим делам и все же не прочь насладиться чуть более свежим воздухом и красотой этого сквера, ведь, даже спеша на работу или на встречу, любому человеку, в ком еще не угасла свеча романтики и ощущения жизни как таковой, не захочется пройти мимо. Заглянув, можно было заметить, как по линии основной дороги, которая идет на прямую через весь сквер, лишь иногда изгибаясь и возвращаясь обратно на свой путь, растут в шахматном порядке небольшие яблочные деревья, весной, когда придет их время, они распускают свои бутоны двух цветов, некоторые из них розового, а некоторые белоснежного, они как бы наполняют собой это замечательное место, делают его живым, живым настолько, что хочется остановиться на некоторое время, присесть на одну из скамеек, которые расположены вдоль основной тропы, и начать любоваться цветками этих добрых деревьев, наблюдая, как ветерок, набравшись сил, промчится сквозь их стволы, набирая высоту и скорость, забирая у каждой ветки по лепестку, подбрасывая к небу, или же ветер, собрав с земли одним взмахом, словно опытная, но еще не совсем старая метла, устроит хоровод белых лепестков с розовыми, и этот хоровод еще долго будет ложиться на землю, кружась в своем прекрасном танце, показывая всю грацию и красоту природы. Также можно наблюдать странные фигуры из растений, они расположены, если отойти от основной дороги по тропе, которая, в свою очередь, закругляется и выводит обратно на главную, часть фигур находятся в центре этой тропы, а часть по ее окраинам, садовники очень постарались, да так сильно, что некоторые из них уж очень сложно расшифровать, были там и звери, и птицы, и дикие силуэты, все это смотрелось очень гармонично, свою каплю гармонии и красоты добавили и кусты сирени, наполнившие своим ароматом этот дивный уголок, а если вернуться обратно на дорогу яблочных деревьев, то через пару десятков метров будет фонтан, совсем небольшой, зато какой утонченный, его выгравированные узоры и символы говорили сами за себя, цветом он был зелено-серым, весь мраморный, аккуратно выточенный, даже малейшие детали различить на нем несложно, окруженный клубнями дивных цветов и маленьких кустов, они окружали его и защищали его от рук, а в особенности ног, нерадивых путников этого сквера. Была в этом месте и беседка, белая, облепленная с разных сторон лианами, что пробирались по ней до самого ее пика, как будто лианы хотели покорить этот пик, как пик Эвереста, приручить эту скромную обитель, до того момента, пока они и сами не лишатся жизни от рук садовника.³

Медленно шагая по скверу, пока еще не весеннему, облачному и хмурому, наполняя свою обувь водой, а сердце грезами о той встрече, я продвигался к своему дому, хоть и домом это было сложно назвать, это был отель, трехзвездочный отель, находился он двумя перекрестками далее, точный адрес я не запомнил, но с уверенностью могу сказать, что находился он на пересечении rue du Crepuscule и rue de la Vinge, должно быть их общее название, как я запомнил для самого себя, это Сумеречная Лоза, думаю, что этого достаточно для того, чтобы найти место, где я живу.^{4 5}

³ Square de l'espoir – в переводе с французского означает Сквер Надежды.

⁴ Rue du Crepuscule – в переводе с французского Сумеречная улица.

Направляясь дальше по улицам, поймал себя на мысли, что начинаю скучать по моему родному дому, в действительности моему дому, но как-то быстро переключился на то, что сейчас, с такой погодой и с такими мыслями, можно стать меланхоликом, впасть в грустную грустность и устать от усталости, а для меня это не лучший выход, поэтому стоит уже собраться с силами и перестать думать о той девушке. Полностью промокнув, но с достаточно воинственным и позитивным настроем, я шел по улице, которая выходила на Сумеречную Лозу и, конечно же, на мой отель, где наконец-таки можно было бы согреться. Ах да, нужно сходить в магазин, что неподалеку, и купить там еды, хоть какой-нибудь, в холодильнике совсем ничего, но для начала надо зайти домой и сменить одежду, как-то неприлично будет ходить по магазину с мокрым видом, так еще и постепенно затапливать его водой с обуви, в которой, такое чувство, что набралось больше, чем всей воды в магазине.

(я): Вот я и дома, почти! Ура.

Сказал я в полголоса.

Со стороны отель был не очень примечательным и заметным, да и, по сравнению с другими отелями поблизости, он считался довольно мелким, к тому же он был трехзвездочный, что никоим образом не показывает и не намекает на то, что этот отель плохой. Его внешний вид хорошо сливался с архитектурой данного места, можно сказать, что он подстраивался к домам-соседям и походил на них, хоть и был небольшого роста, всего 3 этажа. Находился этот дом на углу уже известных улиц *rue du Crepuscule* и *rue de la Vinge*, первый этаж с одной стороны немного зарос виноградной лозой, которая тянулась до второго этажа и даже чуть выше, а с другой стороны был вход в сам отель, дальше которого, у конца дома, находились ступеньки, что вели в подземный этаж, там был кафе-бар с интригующим названием *Ombre Lunaire*. Верхние этажи отеля, как и вход, были переплетены единым архитектурным узором, который начинался с верха входных дверей и продолжался вдоль до окон с балконами – и дальше до крыши дома, чуть не доходя, заканчивая весь орнамент и различные закрученные линии на углах этого дома, со стороны это сложно заметная картина, ведь уже плохо различимы все линии архитектурной идеи, многие кусочки из которых отвалились со временем, видно, что здание было построено очень давно, хоть и сливается с ближайшими соседями. Деревянные двухстворчатые бордовые двери казались очень тяжелыми и высокими, но открывались очень легко, как ни странно, на них был нарисован некий узор, который вполне подходил под само строение.⁶

Внутри заведения отель был оживлен в своем стиле, нежели снаружи, его пол из камня при входе хорошо сочетался с потолком и стенами, ведущими от коридора к стойке ресепшен, пропустить такую интерьерную изюминку было бы сложно. Стойка ресепшен была сделана из красного дерева и идеально отполирована, в этой же комнате находились: бордовый диван и темно-зеленые кресла с небольшим столиком. Люстра, что висела в центре комнаты, в холле отеля, создавала освещение, которое подчеркивало и делало утонченным и изысканным все вещи вокруг, а атмосферу наполняло старинной глубиной и вечностью, как будто ничто здесь не менялось на протяжении многих сотен лет.

Сам отель назывался *Ca Va*, такое завлекающее название появилось с помощью фантазии одного человека, а если точнее, то одной из местных достопримечательностей этого уютного отеля, самой большой и самой значимой, на взгляд многих, кто пожил или же просто находился в этом месте дольше пяти минут, как раз столько требовалось, чтобы вас встретил он – хозяин отеля *Ca Va*, никому точно неизвестно, как этот солидный мужчина чувствовал приход гостей, ощущал присутствие новых людей в этом месте или уже живущих постояльцев этого отеля, могла бы затаиться мысль о том, что он на протяжении всего времени ожидает людей, как будто на каком-то этаже есть кабинет, в этом кабинете стоят множество экранов, разделен-

⁵ Rue de la Vinge – в переводе с французского улица Виноградной Лозы.

⁶ *Ombre Lunaire* – в переводе с французского. Лунная тень.

ных на экраны поменьше, а по всей территории отеля и рядом с ней установлены видеокамеры как раз для того, чтобы круглыми сутками наблюдать за людьми, да, это бы все объясняло, но, увы, таких видеокамер нет, на территории отеля нет ни одной видеокамеры, соответственно, как и технического помещения для наблюдения, поэтому остается предположить еще один вариант, будто хозяин отеля стоит возле окна и наблюдает в течение продолжительного времени за улицей, вдруг какой-нибудь потенциальный жилец вот-вот зайдет и его необходимо будет встретить, этот вариант более реалистичен, хотя побуждает задать множество вопросов, например, таких как: «А чем занимается хозяин отеля весь день? Есть ли у него перерывы от наблюдения через окно? Есть ли у него интернет с мобильным телефоном, в конце концов?! С ним все в порядке?» Ответом на последний вопрос, будет «да», с ним все в порядке, ведь на самом деле этот человек успевает абсолютно все, определенно, это удивительно, но это действительно так, каким-то образом он успевает решать как мелкие вопросы и задачи по своему отелю, так и довольно весомые и очень значимые дела, а между тем и другим, он ходит встречать гостей, ходит провожать уезжающих, выселяющихся и приходит на помощь, если это потребуется в срочном порядке. Хозяин отеля – удивительный человек, его звали Иван, по крайней мере, он представлялся этим именем, как уже было сказано, человек он солидный, довольно культурный и очень общительный, добродушный. При знакомстве с новыми людьми, если говорить о знакомстве в этом отеле, вел себя крайне свободно, в его внешнем виде отражался его характер, он носил разные по фасону костюмы, разных цветов, но мог спуститься к новым жильцам в летних шортах и футболке, что, конечно же, отражалось на их лицах, в которых можно было наблюдать смятение и легкую улыбку с непониманием происходящего.⁷

Когда люди узнавали, что он является владельцем этого отеля, а также по совместительству администратором *Ca Va*, они терялись и путались в словах, ведь их шаблонный взгляд на владельца довольно крупного отеля разбивался на маленькие кусочки о каменный пол в холле. Не все постояльцы, но большинство привыкло некоторое время к его резким нарядам, иногда очень решительным, а иногда очень невзрачным, что придавало шарм ему самому и одновременно вносило загадочность в его личность. Также вызывало большое удивление и то, что он был очень суетливым человеком, но не та суета, от которой сам создающий ее устает и берет перерыв на некоторое время, а какая-то уверенная суета, со смыслом, с присутствием ей хаосом, но хаосом, направленным на благие дела и действия с последующим развитием событий. Находясь в таком движении целый день, Иван успевал появляться во всех нужных ситуациях, требующих его присутствия, а также в остальных не столь важных моментах, конечно же, по его желанию. Присутствие хозяина отеля в разных жизненных моментах придавало случившемуся спору жильцов с выяснениями, почему в отеле нет массажного кресла, какой-то особенный блеск, нотку иронии с добавлением доли юмора и несерьезности происходящих действий, разговоров, а решение любого вопроса могло растягиваться до такого длительного времени, что люди, у которых этот вопрос возник, забывали о нем.

И вот я уже почти у входа в отель, как хорошо, что у входа в него я чувствую себя более спокойным и умиротворенным. Как будто действительно нахожусь рядом с тем местом, в котором все мои скопленные часы жизни, раннее за прошедший день, растворяются, а с ними угасает и череда событий за прожитый день.

⁷ *Ca Va* – в переводе с французского, это выражение: как ты? Как дела?

Глава 4. Странные песочные часы

Открываю дверь и, проходя по коридору мимо зеркал, сделав еще несколько шагов в холл отеля, вижу, как ко мне идет из другой комнаты очень стремительно, с улыбкой администратор отеля Иван. В этот раз на нем была белая рубашка с коротким рукавом, были одеты очки совсем небольшого размера, кромка их и силуэт подчеркивали его лицо. Ранее я не знал, что владелец отеля носит очки, не сказал бы, что для меня это было удивлением, но уж точно к моему удивлению было то, что на нем были темно-синие шорты спортивного типа и спортивные сине-белые кроссовки с выглядывающими белыми носками, я остановился от этого образа, уже стоящего перед собой с видом, по которому можно было точно понять, что Иван занят чем-то, что занимает у него много времени и, скорее всего, он хотел бы уделить моему возвращению больше внимания, но в данный момент времени не может себе это позволить. Готовый к этому, я начинаю кивать и приветствовать его.

(Иван): Привет, мой дорогой друг! Как ты? Смотрю, что погода наполнила твою обувь и одежду водой, держись, ступай быстрее сохнуть, чтобы не заболеть, и да, скажи Мелиссе, если тебе потребуется помощь!

(я): Привет, попал под небольшой дождь, как ты уже заметил. Спасибо, я справлюсь.

(Иван): Не могу уделить тебе должного внимания, ухажу приводить номер в порядок, куда уже долгое время никто не заезжал, вот появился человек, который в него заселился. Увидимся.

Произнося эти слова, он уже развернулся и вполоборота, отступая от меня, ушел по коридору в другую комнату, куда заселился новый жилец этого отеля.

(я): Конечно.

«Надо же», – подумал я.

(я): Не думал, что будет больше двух человек жить в этом отеле. Уже трое.

А если заезжает пара или пара с детьми, то и того больше, и с этими мыслями я вошел в общий большой холл рядом с ресепшен, чтобы взять свои ключи, которые уже лежали на стойке, с моим именем и номером комнаты 404. Удивляться не приходится, этот человек успевает все на свете... и как ему это удастся?

(?): Думаю, вам стоит сказать «спасибо», мой дорогой друг!

Услышав этот голос позади себя, я немного вздрогнул, уж очень сильным эхом пронесся он по всему холлу и, пролетев каждый угол, резко, как жалящая змея, достиг моего слуха.

Ох, точно, это он, никак не привыкну к его голосу, сейчас он застал меня врасплох, медленно оборачивая голову в сторону доносящегося звука, я уже прокручивал в голове этого странного на вид, но по-своему оригинального человека – мистера Тихенсона. Обернувшись к нему полностью, можно было заметить совсем небольшую ухмылку на его лице.

(я): За что спасибо? Тихенсон, напомните мне, пожалуйста.

(Тихенсон): За ключи на столе, мистер Распут.

(я): Ах, это вы, я уж подумал, что это Иван каким-то чудным образом, догадался о моем приходе раньше меня самого.

(Тихенсон): Возможно, так и было, мой друг, тогда он должен был передать мне послание, о том, чтобы я заранее спустился и в силу своего небольшого роста, используя стул, дотянулся бы до ключа от вашего номера и положил его на стол, заранее, чтобы мистер Распут ни о чем не беспокоился, все для вас, дорогой мой.

(я): Тихенсон, спасибо за заботу, я ведь просил, называй меня по имени, меня зовут Красиб.

(Тихенсон): Я помню, Красиб Распут... одинокий странник в этом городе милых дам, хорошего вина и выпечки. Может, раскинем на пару цифр?

Конечно, я догадывался, что он предложит мне это, как стало понятно из разговора, он довольно-таки напористый мужчина средних лет, маленького роста, но на весах судьбы уравновешенный огромным самомнением и примерно таким же размером интереса в случайные совпадения нашей жизни. Ходил Тихенсон в основном в пиджаке бордового или болотного цвета и штанах, иногда совсем неподходящих под имидж солидного бизнесмена или брокера, уж не знаю, за кого он себя выдавал, со стороны казалось именно так, в туфлях, но не с острым концом, и в рубашке, в основном, как я мог заметить, в белой рубашке с натянутым сверху галстуком, но не до конца завязанным, немного приспущенным. У него была борода и усы, борода не сильно густая, но широкая, по всей длине лица, придавала его лицу более круглую форму, а усы подчеркивали его острую и проницательную улыбку, которая время от времени появлялась на его лице, даже в те моменты, когда никого рядом не было.

Как и говорилось ранее, он был глубоко заинтересован в разного рода случайностях, примеров можно привести уйму, множество множеств, но, стоит отметить лишь суть его так называемого явления, сразу становится ясно, в чем он берет такую явную и непробивную заинтересованность. В основном его интересовали случайные природные явления, такие как дождь в период длительной засухи, зной после дождя, снег в жаркие засушливые дни, а также человеческие явления – к таким можно отнести всякого рода действия человека, неожиданные, спонтанные, ошеломляющие и бесповоротные, резкие и целенаправленные сиюсекундно. К этому же котлу случайных случайностей замешивалась целая каша из цифр, окружающих Тихенсона, и даже тех, которые окружали его лишь косвенно, через других людей, через их время, их часы, их опоздания и спешку, эти цифры будто птицы кружили вокруг него, везде и повсюду были замечены им закономерности, подмечены неслучайные случайности, время на остановке, время в любых заведениях и, конечно, в своем собственном телефоне.

Находясь наедине с собой, он мог во весь голос кричать слова разочарования в неудачах, которые преследуют его или кого-то из тех людей, которых он видел вокруг. Также были моменты радости в его восклицаниях о том, что сейчас, вот в эту минуту и секунду, должно произойти что-то почти неуловимое, но при этом потрясающее событие, либо оно уже произошло, но мы, остальные невнимательные люди и животные, их не видим, не замечаем, совсем не придаем значения таким закономерностям, истинным закономерностям нашего времени, нашей жизни, хотя почему нашего – время не принадлежит кому-то.

Наконец я перевел внимание от него к рядом лежащему предмету... это было некое устройство, под который был подложен платок Тихенсона, который раньше лежал рядом с ним на столе. Оно имело конструкцию песочных часов, но необычных, а песочных часов, наложенных на себя же сверху, по его виду можно было вспомнить карусели с разными животными в уменьшенном масштабе, в очень уменьшенном, в два или три раза меньше настольной вазы для цветов, а вместо животных в карусели были ячейки, плотно прилегающие друг к другу с какими-то символами на внутренних боковых стенках. Таких ярусов было три – нижний средний и верхний – они были схожи, все было сделано по одному подобию, как будто 3 рулетки из казино прикрепили друг на друга. Отличались эти рулетки функционально, у каждого яруса была своя конструктивная особенность, не только в символах и цветах этих ячеек. Если представить эту штукину перед собой, то невольно начинаешь разглядывать ее сверху вниз, как это делал я, взгляд падает на верхнюю часть – в ней, как и в любой рулетке присутствуют слоты, куда по обыкновению падает игровая кость, но немного отойдем от представлений рулетки и представим замечательный музыкальный инструмент – фортепиано. Пиано со своими клавишами, черными и белыми, выстроенными в один ряд как на подбор, вместе образуют дорогу, дорогу для рук музыканта, который проходится по ним с четким ритмом и вкусом своей, только своей музыки. Представим, что эта нотная дорога из клавиш выстроилась не в длину, на весь инструмент, а циклично закончилась сама в себе, ее вытащили с этого замечательного инстру-

мента и загнули, закрутили саму в себя, после чего получился круг из клавиш, черных и белых, бесконечная дорога по кругу для рук музыкантов.

Верхняя часть устройства Тихенсона была очень схожа с такой клавишной цикличной дорогой, ко всему прочему, между этими клавишами с углублениями, которые больше смахивали на прямоугольные ячейки, совсем не было промежутков, они были единым вращающимся механизмом, который крутился сначала в одну сторону, а потом в любой момент, насколько было замечено, мог сменить направление в обратную. А если присмотреться, под определенным углом было видно, что эти клавиши, ячейки, в своем движении по кругу имели разное положение по высоте, как волна, которая возвышается и набирает высоту, среди однообразного уровня моря, а потом со временем либо угасает о скалы, либо нарастает до максимальной высоты и обрушивается на берег. В нашем случае это однородная цикличная масса из какого-то металла, сложно было сказать, какого именно, а может, даже смесь или вовсе не металл, одного цвета с ячейками, которые имели разные символы, а те, в свою очередь, отличались по цвету и форме, волнами то опускалась в некоторых местах, то подымалась, это грациозное движение было абсолютно плавным и естественным, ничто не выдавало механическое движение, возможно, его и не было.

Весь верхний механизм сходиллся в своем центре, был вставлен какой-то минерал, кристалл необычной формы и расцветки, он плотно прилегал к центральному кругу, расписанного символами, чуть больше этого минерала и имеющего промежуток, очень маленький, от основной волнистой конструкции верхней части до самого круга с минералом. Половина кристалла была с одной стороны, другая половина с другой, время от времени после очередного круга верхнего механизма с отчетливо слышным звуком, очень четким, однократным, как при нажатии на клавишу клавиатуры или печатной машинки, центральный круг с кристаллом переворачивался с одной стороны на другую свою сторону, движение это было таким же плавным и легким, как циферблат дорогих часов.

Опуская взгляд ниже, видим среднюю часть механизма, конечно же, она чем-то напоминает рулетку и верхнюю часть, как уже было сказано ранее, но отличается функционально, насколько стало ясно по ее движениям. Она также движется по кругу и у нее есть свои ячейки, стоит отметить, что движения уже не волнистые и сама конструкция не является цельной, ведь между деталями, ячейками, имеются большие промежутки. Эти маленькие емкости, которые мы называем ячейками, друг от друга находятся на таком расстоянии, что могли бы вместить еще одну такую же составляющую, ко всему еще, сами емкости держатся за счет тонкой линии из какого-то металла, который, в свою очередь, одним концом соединен с ячейкой, другим концом соединен с маленьким штурвалом. Деталь посередине уж очень напоминала лежавший корабельный штурвал, от которого отходили эти лезвия металла, что держали уже известные ячейки с символами и цветными узорами внутри. Вся средняя конструкция крутилась по кругу, а особенностью ее исполнения было то, что лезвия, державшие ячейки, ходили не только по кругу, но и вверх и вниз, такая, как часы, перемещаясь не в такт, как можно было заметить. Движения сходили на движения тикающего циферблата с перемещающимися стрелками по кругу. Тот маленький штурвал, что в центре, насколько стало ясно, позволял этим частям, исходящим из себя, двигаться не только по горизонтали, но и по вертикали, такова была его конструкция, что перемещала лезвия с ячейками, будто стрелки часов, то вверх, то вниз, то вбок. Еще одной особенностью было то, что под ячейками средней конструкции были магниты, тонкий слой, еле заметный, для чего они здесь, было сложно представить. Пока разглядываешь это хитрое устройство, мысли так и кружатся вокруг, много вопросов и восхищений можно поймать у любого на лице, кто впервые видит этот механизм.

В центре средней части, в так называемый мини-штурвал, вставлен очень схожий минерал, как и в случае с верхней частью, с ее центром. Он был плотно соединен со штурвалом и так же, как и в первом случае, половина этого кристалла выпукло торчала сверху, а половина

на другой стороне смотрела вниз. Между верхней частью и средней и их кристаллами была трубка, закрытая с двух сторон какими-то другими минералами, больше похожими на алмазы светло-зеленого цвета внутри, они были заостренными оба, и так получалось, что закругленный конец верхней части со своим кристаллом не касался верхней части этой трубки с заостренным алмазом. Это выглядело, как волшебство, ведь по взгляду можно было сказать, эти две конструкции держатся чем-то друг за друга, ведь создавался эффект крепкой связи, будто их приклеили друг к другу, но нет, ничего подобного, нижняя часть верхнего кристалла и верхняя часть с алмазом не касались друг друга, они парили, они просто парили, это зрелище завораживало, казалось, что это фокус.

Как уже выяснили, пространство между трубкой с зелеными алмазами и кристаллами верхней конструкции было свободно, по крайней мере, в нашем понимании пустоты, со взгляда человека, там ничего не было, это можно было утверждать с полной уверенностью.

Дальше трубка со своим нижним алмазом так же, как и верхним, не дотрагивалась до лежащего штурвала с кристаллом средней конструкции.

Почти каждый человек, после того как долго разглядывал механизм, по словам самого Тихенсона, в какой-то момент, начинал хмуриться и почесывать затылок или лоб, от удивления и непонимания происходящего. После приходил в себя, некоторое время оглядывался, моментами смотря на Тихе, будто он всемирный фокусник, переводя взгляд на устройство, потом на Тихенсона и снова на устройство. Смирившись, что понять в данной ситуации что-то – довольно сложная задача, а еще более не выполнимая – это найти подходящий вопрос, найти подходящие слова к своему подходящему вопросу, который хочешь задать, человек откладывал эти хаотичные попытки в своей голове и продолжал разглядывать дальше.

А дальше была нижняя конструкция, лежавшая на самом платке, на столе. Как уже стало понятно, все три части друг от друга зависимы, но не соединены ничем, по крайней мере, тем, что можно было бы увидеть. Нижняя часть состояла из подвижного механизма сверху и основания снизу, основание снизу было литое, оно держало всю конструкцию, как это ни странно, учитывая, что все три части парили между собой. Зрительно со стороны это ощущалось именно так.

Подвижная часть нижнего механизма сделана была уже по аналогии с верхними ячейками со своей символикой и цветной отличительной чертой. Она, в отличие от вышестоящих, висящих, имела ячейки более крупные, и сами ячейки имели свою особенность, в их функционал входило движение, не только по кругу, но и вперед и назад. В связи с тем, что расстояние между ячейками было, хоть и маленькое, а под ними находились борозды, неглубокие ямки, ровно под размер площади ячейки, эти подвижные части могли выдвигаться вперед за радиус конструкции и заезжать обратно. Движения эти были скользящими, бесшумными на удивление, напоминали игру в хоккей, когда по льду с силой проходит хоккеист, с клюшкой и ударяет по шайбе, только абсолютно беззвучно. Вспоминается момент, который случался у каждого человека, когда на стеллаж с книгами ставится произведение и задвигается с характерным приятным ощущением, что радуется уши и глаза, ведь теперь все упорядоченно, все книги стоят ровненько, и промежутков больше нет.

Крутясь по кругу и продвигаясь по своим невидимым рельсам, в центре нижней конструкции, ровно под кристаллом, который виднелся снизу средней части, был свободный промежуток, куда не доходили ячейки, даже когда задвигались ближе к центру. В этом центре нижней части виднелся совсем маленький по размерам кристалл, очень аккуратный, красного цвета, в отличие от своих собратьев, а от него, как из центра водоема, были прочерчены красные линии разной толщины, состоящие из этого же материала, что и красный кристалл, имели разную толщину и разную длину, заканчивались в разных местах, как будто много рек стекало с водоема, а возможно, из центра вулкана, из его жерла, так выглядел этот красный хранитель всего механизма, а линии, что от него, кривые и прерывистые, – были извержением лавы его.

(я): Тихенсон.

Полушепотом прозвучало это имя.

(я): Тихенсон... что это за устройство? Прошу не томи, оно меня очень заинтриговало.

Ехидно улыбаясь и немного съезжая со стула одновременно, Тихенсон резко поправил свой галстук и чуть дернулся наверх, дабы не сползти полностью с кресла, как учитель, на доске нарисовавший еще до этого момента неизвестную формулу своим ученикам, сползающий на лаврах человек, насыщенный своей триумфальной минутой, но понимающий в глубине своей души, что наблюдатели вряд ли сталкивались ранее с чем-то подобным, поэтому все же не стоит гордиться происходящим чересчур.

(Тихенсон): Это, дорогой друг, мое протезе!

(я): Может, ты имел в виду твоё творение?

(Тихенсон): Нет! Мое протезе! Что же тут непонятного. Это устройство и есть я, только в виде сложного и многофункционального механизма, разве не ясно?!

«Ну, я бы так не сказал», – подумал я про себя, но замороженный этим устройством, все же обронивший пару слов из своих мыслей.

(я): Не думаю, что это так...

(Тихенсон): Что ты сказал? Я так и знал, это не случайная фраза, понимаю, ты мне не веришь, не так ли? Тебя пугает то, что ты видишь.

(я): Поверь, меня пугает больше то, что я вижу его первый раз, за все то время, что мы жили в этом отеле... мы уже несколько месяцев беседуем на различные темы по вечерам.

(Тихенсон): Можете мне не верить, но это не случайность, думаю, это очевидно даже вам, мистер Распут.

(я): Крассиб... и мы уже давно перешли на «ты», говорил тебе это не раз.

(Тихенсон): Мистер Распут, как вы считаете, случайность ли это? Что вы познакомились со мной, с человеком, у которого есть это устройство, вряд ли вы видели подобное.

(Тихенсон): Я скажу вам больше, этот момент, который происходит сейчас, вы видите? Ощущаете? Это закономерность, и я покажу почему...

Удивленный сказанным, меня заинтересовала фраза Тихенсона, что это не случайность, а закономерность, не отвечая на вопросы ранее заданные, я уставился пристально на Тихе, который, в свою очередь, начал ехидно улыбаться в своем стиле, после чего потянулся в карман пиджака, в этот момент улыбка и мимика его резко сменилась на сосредоточенное выражение лица.

Сделав полшага назад, я наконец-таки выпрямился, ведь до этого наблюдал за механизмом вблизи, нагнувшись, и с готовностью воспринять золотой грааль всей философии Тихе, с терпением, а если быть точным, то его остатками, особенно за последнее время, наблюдал за плавным движением его рук, как Тихенсон медленно, но верно доставал что-то маленькой формы из своего кармана и, вытягивая на своих коротких руках, пытался приблизиться ко мне.

Тыльной стороной ладони Тихенсон протянул ко мне руку, показывая всем своим видом, чтобы я доверился ему и протянул в ответ, чтобы взять это что-то. Посматривая то на него, то на устройство на столе, в своей фантазии представлял разного рода комичные ситуации, с юмором, что можно было бы ожидать от Тихенсона, но явно не в этот раз, в данный момент меня ждал абсолютно оригинальный исход, который даже примерно представить сложно.

Вытягивая свою левую руку внутренней стороной к его правой руке, которая была сжата в кулак и немного наклонялась, чтобы сократить дистанцию между нами, появлялось ощущение какого-то секрета, какой-то тайны, как будто сама атмосфера вокруг нас менялась и оставалась лишь загадка. По глазам Тихенсона можно было понять, насколько он предвкушает этот момент, момент передачи вещи, которая должна показать и доказать, что в том контексте случайности, как мы ее понимали до этого момента, ее не существует, какая-то доля, возможно,

очень маленькая, еле уловимая, вот как раз эту маленькую долю почти невозможно заметить, а все остальное вполне придерживается определенному плану, закономерности жизни.

Глава 5. Исследовать уголки прошлого

(радио): На улице пасмурно, должны пойти дожди, вы разве не знали это?

(радио): Макс, конечно, конечно, я знал, поэтому взял с собой зонт!

(радио): Ха-ха! Не все такие предусмотрительные, как ты, я, например, точно промокну, пока буду идти к своей машине, а потом от машины домой.

(радио): Бедняга, ну с тобой все понятно, а что касательно наших зрителей, я у них спрашиваю, как вы будете себя чувствовать, если полностью промокнете, вечер будет испорчен, разве не так?!

Может быть, они и правы, но насчет вечера не могу с ними согласиться, посмотрите на небо, оно замечательно, в нем есть все оттенки серого цвета, бывает, что вперемешку с ментоловым или голубым, как сейчас, как это прекрасно. Как, как можно разглядеть все эти прелести под зонтом, вы просто не увидите, конечно, не всем хотелось бы промокать с опасностью, что можно заболеть в первую очередь, да и не всем приятно ощущать себя под проливным дождем, даже если он капает совсем чуть-чуть. Не имея зонта, я отлично себя чувствую, Макс, как жаль, что, проезжая какие-то несчастные пару кварталов на машине, ты не увидишь всего этого, пока будешь спешить быстрее избавиться от неудобства, чтобы насладиться своим комфортным и сухим времяпрепровождением в этом мире, Макс-пустыня.

(?): А-а!!!

Чуть было не упала в лужу. Не всегда стоит любоваться на небо, когда идете на каблуках, особенно когда вы редко ходите на них, так редко, что в голове появляются мысли все чаще и чаще о том, чтобы снять их и побежать, как в детстве, когда были маленькими, по лужам босиком, пока мама с папой не видят, а даже если видят, то можно было убежать от них, по тем же лужам. Но нет... как жаль, я уже взрослая девочка, и у меня недешевые колготки, к тому же они мне нравятся.

Шаг за шагом, наплевав на свою обувь и насладившись красотой надо мной, я шла по пасмурным улицам Парижа, ах, этот город, кажется, он запал мне в душу, запал уже давно. Еще девчонкой я гуляла тут с родителями, гуляла с отцом, помню эти улицы, некоторые заведения остались такими, какими они были тогда, другие, напротив, изменились настолько, что теряются из виду былой памяти, а когда теряются фрагменты картины в нашей памяти, то общий паззл становится собрать все труднее, да и ностальгия напоминает о себе не с такой силой, как могла бы. Время идет, а может, даже уже начинает ускоряться трусой, в детстве ощущение времени совсем другое, нежели в юношестве или же в более осознанном возрасте. Когда большую часть, почти всю, ты училась в школе и университете, и только маленькую часть всего времени тратишь на свое личное развитие, именно свое, свое личное, то, на которое тебе не жалко этого времени, а не то, что, по словам родителей, должно приносить в будущем большую финансовую выгоду, следовательно, как кажется, и некую выгоду во всей жизни, перед всеми остальными. Как же все просто в таком случае, следуй правилам, будь дисциплинирован и ответственен, и у тебя все будет хорошо!

(?): Как бы не так...

Уже вслух озвучив свое несогласие, в уме вдруг начали крутиться моменты жизни из детства, как бабушка кормила нас блинчиками и разными пирожными, это было не в Париже, а в частном доме в Калининграде, после вкусной трапезы мы бегали по двору и охотились за разными насекомыми, что уж очень любили наш огород и цветы, посаженные бабушкой, эти разноцветные прекрасные цветы, что были усеяны по кругу дома. От входа на участок, идя по тропинке, с обеих сторон росли эти замечательные растения, в детстве тебе известно немного названий цветов, например, известны розы, как их можно не знать, бутоны с красивой талией таких насыщенных и ярких цветов, лилии – с их очень необычным стеблем

и приятным названием, пионы, ромашки – самые любимые в то время, наверное, потому что понятные – и при этом, – красивые и солнечные. Играя во что-нибудь сказочное в нашем огороде, частенько после любования цветами начиналась поистине настоящая игра – охота за осами и шмелями. Как потом было замечено, такой оптимизм с верою в себя появлялся не так часто, судя по рассказам от лица бабушки, периодически наблюдающей за своей внучкой. Но когда детский азарт просыпается, уговорить его очень сложно, отсюда и вопрос, возникающий в моей голове в такие летние жаркие дни: «Как можно не заметить и не захотеть попытаться поймать пчел?!» – спрашивала я у бабушки как бы мимолетно, не дожидаясь ее ответа, и дальше готовилась к столь сложному и ответственному делу. Встав на тропинке, ведущей к дому бабушки, украдкой, в кепке, с косичкой и солнцезащитными очками на два размера больше моих, детских, держа в одной руке банку, иногда это был контейнер для еды или какая-либо емкость, а в другой руке крышку, охота была в разгаре.

В детстве, когда тебе 8 лет, нет оценки – ты делаешь все неправильно, это очень плохо или это очень хорошо, есть только твой мир, он твой и больше ничей по большому счету, правила появляются уже по мере происходящего, то, что уже происходит, а потом, когда воздушный змей уже размотан, огромный и цветастый, и ветер, подхватив его потоком, борется с тобой за право унести его либо оставить его в покое и просто дать парить в небе среди облаков, приходит осознание правил, что его необходимо держать, чтобы не потерять, а веревку стоило завязать потуже, как говорил отец, да и до конца разматывать было не лучше идеей, но это становится понятно лишь потом.

Шмелей было страшно ловить – не так, как Ос, ведь осы были более дружелюбные на вид, они будто занимались своей работой все свое время и не обращали ни на кого внимания, у них было свое видение мира, как и у детей, которые ловили их, после чего, разглядывая в банке и пытаясь подарить листочки и траву этой трудяге, понимая, что держать насекомое взаперти не добрый поступок, отпускали их на волю и провожали взглядом, зачастую они возвращались, будто позабывшие обиду на маленьких исследователей. А вот шмели – другие, их пузатое тельце так и говорило за них самих: «Мы не тронем тебя, если ты не тронешь нас», – но многие из детей шли на такой риск и все же пытались поймать этого черно-желтого генерала ос, конечно, который больше походил на микроавтобус, перевозящий пыльцу, но не будем обижать этого милого насекомого. Шмель будто говорил: «Я буду летать и жужжать, все сильнее и сильнее, чем ближе пытаешься подойти ко мне», – и никогда не давал так легко поймать себя, в отличие от сестер в полоску.

Ах, эти мимолетные воспоминания, вы приходите и уходите, когда вам вздумается, лишь только прекращаешь какую-либо активную деятельность, ум тут же начинает рыться в архиве твоей памяти, чтобы достать что-то послаще да покислее. Как хорошо, что идти осталось недолго, вот уже мимо промелькнул небольшой фонтан с изящным орнаментом в мною любимом сквере. Эта ситуация с автобусом и внеплановой остановкой сбила столку. Едва закончила говорить по телефону, как из-за впереди едущего таксиста, а если быть точнее – неедущего как раз-таки, нервы водителя не выдержали подобного случая, спасибо и на том, что до остановки было недалеко, а от нее через сквер совсем не много идти до отеля, в который сегодня должна заселиться.

В последнее время уж очень болезненные вещи происходят со мной, в моей жизни, эти картинки происходящего все еще перед лицом, они никуда не уходят, лишь ослабевают на время, в такое время и было принято решение уехать с маминой квартиры, хватит, и так осталась у нее дольше, чем планировала, но... конечно, мне приятнее находиться с родным человеком, однако чувствую, что так я больше расслаблюсь, раскисну, а хотелось бы побыстрее прожить этот трагичный период моей жизни, вздохнуть полной грудью и набраться смелости жить дальше, счастливой, вместе с близкими мною людьми.

Поэтому-то и решение снять номер в отеле показалось очень удачным для такого жизненного периода. Останусь наедине со своими мыслями и попробую направить все оставшиеся силы, чтобы сдвинуться с этой точки, с мертвой точки. Прощай, удобная кровать, красивая мамина посуда, и любимая кошка Рокси, и это замечательное место, где живет мама, просторная квартира, хоть и небольшая, уютная обстановка, которая была выстроена родными руками, буду очень скучать по дому, такому родному, такому близкому мне.

Глаза прослезились, нелучшая идея напоминать себе об утратах, к тому же если решение было принято осознанно, уверена, наступит время и я вернусь в свой дом, а пока старинный отель ждет меня.

Набирая ходу на каблуках, краем глаза замечала, как мимо меня проскакивали серые люди в серых одеждах, пятнами и мрачными оттенками были они слиты с естественным фоном всего вокруг, учитывая погоду и затопленность этих улиц. Шел уже мелкий дождь, успокаиваясь совсем по чуть-чуть, в какой-то момент он решил больше не уменьшаться, оставаясь на таком уровне, он понемногу напоминал о себе следами на одежде и каплями, что скатывались с волос на лицо. Местами, задирая голову и укладывая волосы, приходилось смахивать эти капли с лица, в такие моменты понимаешь, насколько ты живой, ведь вся одежда промокла, туфли, косметикой почти не пользуюсь, поэтому с этой точки зрения бояться мне было нечего, и это отличная новость. Короткими, но быстрыми шагами уже подходила к долгожданному отелю, двигаясь вдоль rue du Crepuscule и отмахиваясь от капель, на минуту представила, какого это жить в отеле одной, ведь раньше никогда не пробовала, да, были отели отдыха в разных странах, в том числе и на побережье, но уверена, что этот опыт будет иметь другое ощущение. Иду жить в отель, не отдыхать, еще раз проговаривая внутри себя и тем самым успокаивая, ловишь довольно ощутимое чувство, схожее с чувством экстрима, только намного меньше и не такое яркое. Может, дождь и небольшой озноб после него, а может, напоминание себе о факте проживания одной в незнакомом доме провоцировало небольшую дрожь в теле и еле заметные мурашки. Разобраться в этом было невозможно, с учетом всего произошедшего за последнюю неделю, и, искренне говоря, совсем не хотелось, поэтому можно считать, что сильный ливень, превратившийся в маленький дождик, взбудоражил много чувств во мне и напомнил о столь прекрасных моментах жизни, в равной степени как и столь ужасных. Перескакивая очередную лужу, а после, поправляя волосы, наконец-таки я заметила нужный мне отель, впереди через дорогу, он назывался *Ca Va*, название умиляло еще при бронировании в интернете, но совсем иное дело, когда видишь все здание целиком и это название вживую, появляется улыбка на лице, как и в моем случае, сейчас он будто с любопытством и любезностью встречал новых постояльцев, такое впечатление создавалось на пороге этого места.

(?): Ну вот, я добралась

Сказала это с долей убеждения, в этих словах была ясность того, что я делаю.

Остановившись рядом у входа в отель, под выступающей кирпичной кладкой арки высоких деревянных дверей этого здания и под его немного выступающей кромкой крыши, в моих глазах промелькнул свет проезжающих мимо машин, когда я обернулась осмотреться вокруг, на этой малолюдной улице я уже видела это здание раньше, в детстве, не могу сказать это с полной уверенностью, но вряд ли когда-либо я могла его заметить, проезжая по работе или другим насущным делам. Вернувшись взглядом ко входу в отель, на деревянных дверях можно было заметить деревянную ручку в виде соколиной головы, перья которой были выгравированы в самой цельной конструкции двери и немного выступали из нее, как и лоб, глаза и клюв, которые также цельной частью уже более явно смотрелись на этой старинной двери. Прикоснувшись, ощущается каждый вырез по дереву и его изгиб, а очертания самой птицы были едва ли различимы от живого оригинала, если не брать в расчет, что весь этот объемный рисунок был единой конструкцией огромной двери. Удивительная работа мастера.

Навалившись почти всем своим весом на эту дверь, толкая ее вперед, уж никак не ожидала почувствовать, что эта деревянная конструкция настолько просто открывается, без огромных усилий, которые была готова приложить, чтобы попасть в теплое и сухое место. Дверь довольно легко отперлась, без какого-либо визга или покачивания, с легкостью одной руки. Проходя в коридор, слева от меня были зеркала, а справа несколько шкафов, отпуская правой рукой дверь и при этом делая несколько шагов вперед, этой деревянной громадине все же удалось меня удивить, а точнее – напугать. С пронзительным глухим стуком, как стучат в закрытое купе, где парочка уже давно нарушает правила приличия и тишины в поезде, единожды, но довольно громко, если бы хотели нанести конечный удар по гвоздю, который вот-вот должен был держать немалых размеров картину. Такого рода удар раздался позади меня, отчего, конечно же, я повернула голову в сторону шума и немного дернулась телом вполоборота, возможно, если бы не была столь уставшая к этому времени и не промокла вся насквозь, испугалась бы куда больше, чем сейчас. Топорно посмотрев на уже закрывшуюся дверь, в голове крутился один вопрос: «Почему так громко? За счет чего... так громко?» – немного нахмурившись, но понимая, что из-за дождя на улице и промокнутой одежды, подо мной постепенно образовывалась лужа, я спешила побыстрее отойти от испуга и вернуться к своему плану: заселиться, согреться в ванной и лечь спать, «по-моему, отличный план», проскочило у меня в голове. Если бы не одна маленькая деталь, которую я заметила на двери. Подходя ближе, медленно, переставляя ноги ели-ели, но делая это ради своего любопытства, помимо остального дверного орнамента увидела вырезанное в этой деревянной конструкции крыло, конечно же, крыло сокола, это было довольно очевидно, проводя по нему чувствовалась столь же великолепная работа мастера, что и на обратной стороне двери, это крыло было вместо ручки, с учетом того, как плавно и легко открывается дверь, вряд ли за него часто брались. Проводя по нему рукой, неспешно, но не настолько долго, чтобы меня могли заметить в такой миг слабости к столь чудной работе, была замечена маленькая деталь, которую в любой другой момент разглядеть было бы чересчур сложно, не подойдя я так близко и не поддавшись своему любопытству. Под ручкой двери, под крылом двери была выгравирована некая надпись, очень маленькая, высотой букв не больше ногтя на мизинце, а если у вас когтистый маникюр, то сокращайте вдвое, а по длине всего в две латинские буквы – SH. Обе буквы были заглавные, когда проводишь пальцами по этим буквам, по ощущениям кажется, что они были выточены каким-то острым предметом, под крылом, что довольно неудобно.

(?): Но зачем?!

(Иван): А вот и наша дорогая гостья! Привет!

Этот момент слабости был оборван администратором отеля, все мысли, которые уже шли ровным строем, но пока еще не нога в ногу, улетучились в неизвестном направлении, хаотично разбегаясь по разным углам и прячась за старый комод. Резко обернувшись, увидела перед собой мужчину, его звали Иван, мы разговаривали с ним и ранее, по телефону, когда я объясняла по какой причине я хочу остаться у него в отеле, он был хозяином этого дома, он же был и администратором этого на первый взгляд уютного места. Мужчина очень любопытный, особенно его стиль в одежде, хоть я и сама не особо придерживаюсь какого-то стиля, но все же встречать постояльцев в помятой серой футболке и синих спортивных штанах с кроссовками на ногах.

«Он, что, посмотрел прогноз погоды, понял, что я точно намокну, буду по уши в воде и с меня будет так сильно капать, как будто я сама отдельное облако с дождем, и поэтому решил не наряжаться изначально?» – такие мысли пронеслись у меня в этот момент, в момент, когда я поняла, что устала анализировать все происходящее, думаю, с меня хватит на сегодня.

(Иван): Мы уже ждали, идемте, Саона, я проведу вас в ваш номер, только хочу немного расстроить вас, он не совсем готов к вашему приходу, я заканчивал его уборку.

(Саона): Иван, спасибо вам большое, я еле держусь на ногах, пожалуйста, позовите кого-то на помощь вам, я не в состоянии помочь убраться в своем номере.

Что может быть опаснее состояния расслабления, когда ты уже знаешь, что вот-вот у тебя появится возможность забыть, появится возможность отдохнуть от дальней дороги, в эти мгновения ты позволяешь себе полностью расслабиться и постепенно теряешь последние силы, которые были скоплены, чтобы идти до конца и бороться за жизнь.

Пока я теряла силы и проходила по коридору дальше в общих холл и с него налево через еще один коридор, и дальше, и дальше, по наблюдениям, Иван показался мне человеком, не теряющим силы напрасно, а в особенности, в общем их не теряющий. Было точно заметно, что в нем есть жизненная сила, жизненная энергия, к слову, наверняка поэтому он не берет к себе в помощники кого-нибудь, чтобы отремонтировать ножки стола, подлатать стены или убраться в номере. Есть в этом тайна и загадка человеческой души, ведь ничего не мешает Ивану воспользоваться силой других сотрудников отеля Ca Va либо кого-то, кто хотел бы подзаработать денег, но нет, по каким-то пока не ясным причинам он упорствует и делает большинство вещей самостоятельно, причем, наблюдая за его активной работой и продуктивной суетой, у наблюдателя зарождается, сначала крохотная, мысль помочь и начать действовать, потом желание возрастает до приличных размеров, и действительно ты начинаешь втягиваться в происходящее перед тобой, а после, назовем это третьей стадией, возникает огромное желание прекратить это все и остановить этот бесконечно танцующий поезд посреди пробки на дороге легковых автомобилей.

И нельзя было не заметить стойкую дисциплину этого мужчины, она окутывает его в рабочие моменты времени и деловые встречи, а также в то время, когда он занят какой-то важной деятельностью, может быть, и не совсем важной. Она присутствует рядом, будто говорит окружающим, не смотрите на меня свысока, твердость моего плеча и сила руки позволяет мне дать отпор вам, бездельники. А во времена отдыха, спокойного времяпрепровождения этот человек вел себя уже по-иному, с добродушием и спокойствием он окунался в разговоры других людей, даже малознакомых ему, хорошо находил общий язык с язвительными личностями и эгоистичными натурами, мог позволить шутить на неуместные шутки и даже немного пошлые, на что никто не смел обижаться, и мысли не проскакивало в плохом свете воспринимать его юмор.

(Иван): Прошу вас. Ваш номер 434, заходите, только после вас.

(Саона): Большое спасибо, думаю, я ждала этого вечность.

(Иван): Если вы не против, я останусь в номере на некоторое время, уберу вещи прошлых постояльцев, которые здесь явно не должны быть.

(Саона): Вы хотите сказать, что совсем недавно кто-то здесь проживал?

Убирая вещи, торопясь, Иван делал несколько шагов, то направо по комнате, то налево, заходил из комнаты в уборную и обратно, носил какие-то мелкие и старые на внешний вид вещи, клал их в коробку, которая уже стояла здесь к нашему приходу. Хотя номер был и небольшой, в нем присутствовало некое очарование, возможно, от его ветхого интерьера, а может, и от вещей, мебели, уж очень удачно расставленной в этой комнате.

(Иван): Я бы не сказал, что недавно, эх, если было бы больше посетителей и чаще приходили к нам в гости.

Здесь даже стояла ваза вместо телевизора, по крайней мере, телевизор замечен не был в этой комнате, хотя, бронируя по интернету, в описании номера он был указан.

(Саона): Насколько давно в этом номере кто-то проживал?

Рядом с деревянным столом, что был уже более современного интерьера, стоял шкаф, очень узкий, он был светлых оттенков дерева, две дверцы были внизу, по середине прямоугольная вставка из дерева, и две дверцы наверху, которые открывались наверх.

Шкаф занимал места совсем мало, осматривая комнату, в этот момент я точно поняла и убедилась, как хорошо, что я не брала свои вещи первой необходимости, как обычно, которые взрывают такие шкафы на раз два, а взяла только рюкзак, мой любимый рюкзак.

(Иван): Ответ вас порадует, Саона, достаточно давно, полтора года назад.

Разглядывая комнату тем временем, пока администратор, он же Иван, собирает вещи человека, который жил здесь до меня я вдруг остановилась и покачала немного головой наверх и вниз, буквально ненадолго, коротким кивком наверх и вниз, делая вид, будто ничего особенного в этом нет. «Ведь кто захочет часто проживать в таких древних условиях, с интерьером 20 века», – подумала я про себя и продолжила дальше разглядывать комнату, но уже как-то по-новому, все же чуть с большим интересом и чуть большей опаской после услышанного.

(Саона): Но вы же собираете вещи этого человека, почему он оставил их?

(Иван): Меня это тоже волнует не меньше вас, хотел бы я задать ему этот вопрос.

(Саона): Так задайте же и отвезите ему вещи! Зачем он так спешил?

(Иван): Уверен, что вещей прошлого постояльца больше не осталось, но все же в случае, если найдете что-нибудь, что не совсем подходит нашему прекрасному интерьеру, просьба сообщить мне! Добро пожаловать ко мне в отель, Саона, желаю, чтобы вы залечили все раны, терзающие вас, если таковые есть, и насладились этой тишиной... слышите?!

(Саона): Нет, я слушаю вас.

(Иван): Хорошего отдыха! В случае чего, выходите на ресепшен, если будут какие-то вопросы или нужно будет показать, где у нас ближайшее кафе. Пока!

Хлопнув дверью, он быстрыми шагами ушел куда-то по коридору, звук шагов все уменьшался и уменьшался, пока вовсе не стих в безмолвной тишине, действительно, Иван был прав, здесь довольно тихо.

Оставшись одна в своем номере, я сидела на кровати, кровать была застелена кофейным пледом, не ворсистым, а гладким, с выстроченным орнаментом в виде кубов по всей его площади, сидела, плотно упершись ногами и даже немного вдавливая ноги в конец пледа, что едва дотрагивался до пола, и упираясь руками сверху на кровать, чуть ближе к коленям, я немного покачнулась вперед и назад, а после, остановившись и сделав глубокий вдох и тихий-тихий выдох, вдруг осознала, что я сейчас в отеле, совсем мне неизвестном: «Что я тут делаю?» – медленно, как улитка, проскользнула эта мысль. Задумчивое и спокойное настроение, которое у меня возникло после того, как наконец немного подсохла и согрелась, сменилось некой обеспокоенностью ситуацией, в которую я самостоятельно себя окунула, чтобы избежать своего прошлого состояния, мои руки, лежавшие на пледе, вцепились в него сильной хваткой, дыхание участилось, глаза забегали по мутнеющей картинке в них, множество мыслей проскакивало ежесекундно в этот момент, не останавливаясь, словно марафон желаний у меня в голове разыгрывает какой-то суперприз. Откинувшись назад на кровать и закрыв на время глаза, стараясь успокоить этот хоровод мыслей, передо мной возникло воспоминание, очень дорогое мне воспоминание и такое теплое для меня, как я с моим отцом гуляю по скверу, который я проходила по дороге, направляясь в этот отель, тогда было утро, мы вышли погулять ненадолго, а в итоге папа предложил поехать в мое любимое кафе, чтобы взять самый потрясающий в мире горячий шоколад.

(Саона): Папа! Ты ведь помнишь, что мама нас не отпускала так далеко?

(?): Конечно, помню, доченька.

(Саона): Как я люблю этот напиток, он самый-самый вкусный, пап!!! А ты самый лучший папа во всем мире!!!

(?): Ах-ах... спасибо, моя милая, у меня самая милая и красивая дочь, ты знала?!

(Саона): Я знала... я знала!

Мы сидели за столом на нашем любимом месте, папа пил чай, а я свой любимый горячий шоколад, лучи солнца проходили сквозь стекло и попадали на наши довольные лица, сидящие

друг на против друга. Папа улыбался, смотря на меня и иногда посматривая на улицу, а я сидела и, не полностью дотягиваясь до пола ногами, мотая ими туда-сюда, обеими руками держала большой стакан, смотрела прямо на отца, улыбаясь ему глазами и передними зубами, которые недавно выросли, негромко хихикая в свой стакан.

(?): Пойдем, дочурка, нам уже пора, допивай свой напиток.

(Саона): Пап, мы уже домой? Но я еще не хочу... может, позовем маму к нам?

(?): Мама сейчас очень занята, не будем отвлекать ее от работы.

(?): А давай заглянем в сквер, мимо которого проезжали по дороге, помнишь его? Ты еще сказала, что там смешные животные из листков.

(Саона): Помню, пап, да!

Доехав несколько остановок на трамвае, вышли возле того самого сквера, который я проходила недавно под дождем, в котором не было ни души, да и я спешила. А тем днем было очень солнечно.

(Саона): Пап, пап, смотри, по этим плиткам можно скакать, как по классикам.

(?): Осторожнее, доченька.

Хоть и была осень, но погода радовала глаз, лежало много листьев на главной дороге сквера, но еще больше их было по бокам и на тропинках между деревьев, разные по форме и по цвету, какие красивые, как сейчас помню, бегала от кучи до кучки, которую собрали уборщики в этом сквере, а те, что не собрали и вновь выпавшие, подбирала и давала в руки отцу, в коллекцию, собственно, он и сам разглядывал их и временами подбирал новые возле тропинки и кустов, в тот момент я спросила у папы...

(Саона): Пап, а что за деревья вон там?

(?): Ты про те, что возле широкой дороги, где скамейки?

(Саона): Да!

(?): Это Сакура, доченька, она цветет прекрасными цветами розового и персикового цвета.

(Саона): А когда?

(?): Мы обязательно придем сюда весной, чтобы увидеть ее цветение. Ты согласна?

(Саона): Да-а-а!!! Хочу посмотреть на Сакуру и ее цветы.

Я помню, пап, мы хотели посмотреть, прийти туда весной, если честно, то все еще жду этого момента, я все еще жду цветение Сакуры. Собирая листики и разные веточки по пути, бегая по скверу, мы почти дошли до белоснежного алтаря, который там находился, в то время он еще не был обвит лианами, он был чист и ярок, окруженный клумбами разных цветов.

(Саона): Пап, а что это за место?

(?): Это алтарь, доченька.

(Саона): А зачем он нужен? Он такой красивый и белый... ва-а-а-у-у.

(?): В нем встречаются любящие сердца, чтобы прожить долгую счастливую жизнь вместе.

Долгую и счастливую жизнь, пап, ты обещал долгую и счастливую жизнь. Я верила в это, всем сердцем верила. Я понимаю, ты не виноват в том, что произошло, но как же теперь.

(Саона): Пап, а вы с мамой любящие сердца?

(?): Мы с мамой самые любящие сердца, доченька, а ты наш цветочек, светлый и прекрасный, который родился из этой любви, мама, ты и я проживем долгую счастливую жизнь.

В этот момент мой отец сидел на скамейке в этом алтаре, а я стояла рядом и слушала его голос, после чего полезла обниматься, уронив несколько листьев на колени отца, а более мелкие подхватил ветер и унес от нас вдоль деревьев.

(Саона): Пап, я по маме соскучилась, пошли домой.

(?): И я, пойдем.

(Саона): Я люблю тебя!

(?): И я тебя люблю! Доченька моя.

Застывшая в одной позе, уже с открытыми глазами, я смотрела в потолок, не отводя никуда взгляд, находясь еще там, в том моменте, в воспоминании, смотрела, а ничего перед собой не видела, ведь хотела утопить чувство разлуки с отцом в таких ярких детских моментах моей жизни. Лишь немного пошевелив пальцами левой руки, чувствовала, как очередная слеза скатывалась по моему лицу и тихонечко капала такими беззвучными каплями на плед, ведь даже для меня они были не слышны, я была там, а они здесь, как можем мы встретиться, это были слезы тишины.

Мысли затухали, воспоминания затаились в тени моего сознания, и только остаточные чувства нахлынывали брызгами от маленьких волн, которые становились все меньше и меньше, я собралась наконец-то разобрать свои вещи, как минимум, те принадлежности, что пригодятся мне, чтобы сходить в душ и смыть этот дождь с тела, а может быть, и горечь слез с моего сердца, кто знает, душ очень успокаивает и возобновляет тебя, очищает, и я верю в то, что это действительно так.

В рюкзак поместилось немного, но самое необходимое я взяла, опыт собирания вещей в поход у меня имелся, хоть это было давно в лагере, как удачно, что он пригодился мне сейчас. Присматривая место, куда положить мои вещи и косметику, заметила помимо того маленького шкафа тумбочку и стол в одном лице с несколькими выдвигающимися отделениями для документов и всяких мелочей, сам стол-тумба был довольно низкий по высоте и больше походил на китайский стол для чайных церемоний, нежели на мебель, которую можно было использовать под телевизор или другую технику. Кажется, теперь становится понятно, почему на нем стоит ваза, а не что-то иное. Также в комнате была и маленькая прикроватная тумбочка, служившая своему прямому назначению, с одним открытым отделением и дверью, что открывается с небольшим скрипом, как стало ясно чуть позже. Туда я положила свой рюкзак, почти пустой, в котором остались лишь вещи, которые мне не хотелось доставать и складывать на полки старинного шкафа, да и вещей совсем мало, будет спокойнее, если они будут в моем рюкзаке.

Передвигалась по комнате уже более уверенно, чем раньше, заметив это за собой, я успокоилась и поняла, что все же это хорошее место, по крайней мере, чувствую себя тут уютно, несмотря на этот интерьер в виде уехавших двухтысячных, он больше согревал своим присутствием, чем отталкивал, ведь всем нам известны квартиры и комнаты в отелях, которые отпугивают своей серостью и белоснежностью, дизайн в стиле Loft, конечно, до сих пор популярен, но чем более практичным и эргономичным становится интерьер, тем менее в нем остается обыденности жизни, чего-то живого в нем уже не остается, будто вся мебель замерла во мгновении – навсегда. А если провести аналогию с квартирой у моей бабушки и дедушки, к примеру, то можно заметить, как много разной старой мебели присутствует в квартире, и это не только потому, что она тоже покупалась и выбрасывать жалко, нет, но и потому, что с ней связано целая жизнь, много историй повидала такая мебель. Обычно в сервантах или комодах, старых тумбочках лежит много-много разных вещей, некоторые из них все еще кому-то принадлежат, а некоторые уже давно забыты или утеряны, но они остаются там на долгое время.

В школьные годы, в младших классах, довольно часто я оставалась ночевать у бабушки с дедушкой, и, пока они сидели и чаевничали за столом, зачастую, уставшая от рисования и просмотра мультиков на телевизоре, искала себе занятие. Одно из таких занятий было – собрать какую-то чудную поделку из вещей, которые я находила в разных шкафах и на пыльных полочках по всей квартире. Поиском таких вещей я занималась основательно, поэтому не пропускала ни одну пуговицу или маленькую щепочку от куска все той же старой мебели. По итогу таких поисков, заглянув во все шкафы и открыв все дверцы, которые можно открыть, умудрялась слепить что-то похожее на куклу или какое-то животное, либо же если это больше

геометрически ровные фигуры, то получался дом, пусть и непохожий совсем на реальный дом, но в моей фантазии он был очень даже настоящий.

Манера исследовать все потаенные места присуща детям в таком возрасте, ведь это захватывающе, когда ты хочешь найти то, о чем и понятия не имеешь, но точно знаешь, что в этом мире ты многого еще не понимаешь, поэтому, как отважный пират-исследователь, ты поправляешь паруса своего любопытства и начинаешь путешествие длиною в жизнь. Такая черта осталась у меня и по сей день, сложно сказать, почему этот исследовательский азарт сохранился, ведь, насколько можно судить сейчас, в наше время, многие так называемые взрослые потеряли большую часть исследовательского духа, и только мошенничество и ограбления остались как самые зловонные кусочки пиратского корабля, а серфинг и выкладывание постов в социальных сетях в интернете как самые смелые кусочки судна исследователей.

Отступив от своих размышлений, раскладывая последние вещи на кровать, которые я надену после того, как схожу в душ, мой взгляд остановился на столе для чайных церемоний, после взгляд перешел на вазу, ваза не имела какого-то определенного рисунка, было понятно, что она ручной работы из смеси глины и чего-то еще, зрительно она выделялась из всего, что находилось в комнате, но не так сильно, чтобы привлечь внимание любого, кто поселится в этом номере, она была хороша, аккуратно сделана, с сочетанием бирюзового цвета и бежевого, с вкраплениями изумрудных пятен.

Подготовив все для принятия душа, перенеся все нужные мне принадлежности к душевой, я вернулась в комнату и села на кровать, напротив стола с вазой. В этот момент мысли приходили разные, и возникали вопросы: «Зачем тут ваза? Если нет цветов... Почему стол такой низкий, разве на него удобно ставить кружку или стакан? Да и выглядит он очень аккуратно, уверена, что он предназначен только для того, чтобы на нем стояла ваза с цветами», — конечно, можно представить, что я приехала в Париж по работе и мне необходимо заселиться в какой-то отель, недорогой, но чистый и аккуратный, в хорошем месте, в доступном районе, до центра недалеко, и у меня с собой, допустим, достаточно багажа, чтобы распределить его по этому номеру, и, конечно, с собой важные документы, которые мне необходимо передать, в таком случае если представить эту мною выдуманную историю, то этот стол с одним открывающимся отделением под ним, идеально подходит для документов, которые нужно сохранить, как и всю надменную важность человека, который их привез. И тут я увидела надпись, которая прервала мою глупую, но правдивую фантазию, и заставила меня снова волноваться. Под основанием стола, с правого бока шкафчика этого стола, я увидела надпись SH.

Стук в дверь.

(Иван): Саона, к вам можно? Откройте, пожалуйста.

В этот момент всего лишь за несколько секунд мною овладел и страх, и вдохновение одновременно, а стук в дверь был заглушен эхом их удивления от увиденного мною. Пока эти два ощущения боролись между собой, стук в дверь продолжался и мой взгляд, оставшийся на той надписи, наконец-то вернулся в настоящий момент времени, еще некоторое время мне потребовалось, чтобы ответить Ивану.

(Саона): Минуту, пожалуйста! Сейчас открою.

С усилием переключив свое внимание, с должным актерским мастерством, я собиралась встать и открыть Ивану дверь, узнать, что произошло, и ни в коем случае не задавать вопрос про SH, который крутился в моей голове как белка в колесе, пока сама во всем не разберусь.

Отойдя в сторону и собравшись с мыслями, я открыла дверь Ивану.

(Иван): Саона, простите, но мне необходимо открыть поступление к вам воды, совсем забыл, что из-за длительного простоя, мне пришлось все перекрыть в этом номере.

Пока рассказывал причину его прихода, еще одним моим удивлением за сегодняшний вечер был его сменившийся наряд, причем этот намного лучше прежнего, но все также со своим стилем небольшой неряшливости и простоты.

(Иван): Потребуется всего пять минут, не больше.

(Саона): Да, конечно, проходите, честно говоря, я еще не открывала краны.

Иван зашел очень резво, не останавливаясь, целенаправленно двинулся в сторону душевой, в свою очередь, я, подумав о том, что мое присутствие совсем необязательно, вполборота от двери и душевой краем глаза наблюдала за столом, но с этого ракурса было совсем не видно надписи. Поднеся к лицу правую руку, с не так давно сделанным маникюром, но уже начинавшим постепенно слезать, что жутко меня раздражало, и опершись локтем этой руки на левую руку, медленно, но верно начала постукивать зубами по миндальным коготкам, раздумывая над этими случайностями или же, наоборот, далеко не случайными вещами, сначала та входная дверь, а сейчас стол, «сколько еще работ у этого мастера... а может, это и вовсе не отметка мастера по дереву, а что-то иное».

Не успела закончить свою мысль, как хозяин отеля вышел из уборной с довольным видом и улыбкой на лице со словами: «Все сделано, можете купаться», – еще некоторое время просматривал комнату в номере, наверно, вспоминая, ничего ли не забыл забрать из вещей прошлого постояльца, и закончив бегать глазами, снова остановился на мне своим добрым взглядом, после чего, подняв правую руку вверх в знак прощания, так по-мужски, направился в коридор и по шагам уже более-менее знакомым ушел кого-то встречать, судя по тихо доносящимся голосам откуда-то из холла отеля, двум мужским голосам.

Запертая дверь снова придала загадочности той атмосфере, что окружала меня, по крайней мере, чувствовался прилив глубокого интереса к происходящему и увиденному мной. Немного побродила по комнате возле стола, временами опускаясь на колени и разглядывая надпись, после чего приняла для себя решение, что продолжу свою исследовательскую миссию только после того, как схожу в душ, все же мне необходимо освежиться, прямо сейчас.

Вода, моя славная подруга. Ты смываешь грязь, забираешь ее себе, растворяешь в какой-то степени и уносишь ее, ты очищаешь раны, ты очищаешь тело. Твоя лихая способность соскабливать весь тот груз, что набираем мы в течение дня и до вечера, очаровательна, пером соскабливать ты научилась, медовым теплом или контрастным бризом приводящая в чувства людей и животных, освежающая дух и наполняющая силой природная богиня, излечиваешь тяготы этого мира, ты остужаешь злость и способна остудить неистовство любого живого существа, залечивающая состояния души, затягивающая внутренние травмы, что сильнее физических, и непоколебимо останавливающая и идущая напролом всего, что тебе встречается на пути. Такова ты, сестра земли, мы благодарны тебе и твоим дарам, что невозможно переоценить, твоя сила заключена в слабости, что может быть прекраснее.

Вспоминая некоторые строки из недавно прочитанной книги, смывая с себя эту тяжесть, собранную по дороге в отель, на пути в Париж и в скорый уезд от мамы, меня немного разморила горячая вода, правда, вместе с высохшим дождем на моем теле смыла и дольку интереса к последним происходящим событиям со мной. Укутавшись в большие белоснежные полотенца, голова и тело чувствовали полное расслабление, из-за чего мне жутко захотелось полежать на кровати. А как известно, это искушение прилечь и расслабиться обычно заканчивалось глубоким сном, после которого просыпаешься посреди ночи голодная, раздавленная, с приливом энергии в край, словно кошка, устраивающая ночные пробежки и беснующаяся от любого шороха в дали, и это не самое худшее, ведь в случае с сонным параличом, готова и хотела бы проснуться ночью, но не всегда это удается, поэтому первый вариант на фоне второго выглядит более благоприятно. Есть и третий, но он не поддается объяснению пока что, это началось не так давно.

Все же рассчитывала на свою дисциплину и силу воли, которой не столь большое количество, но хватить должно, во мне снова обострился интерес к надписи SH. Хотела бы разобраться в этом, казалось, интереснее занятия на данный момент у меня нет. Нескончаемые короткие видео вместе с просмотром страничек в социальных сетях меня уже давно не при-

влекают, в свое время было много времени потрачено на эту пустую, хоть и в наше время, прибыльную деятельность.

«Ну все, пора вставать с этой мягкой кровати», – вскочив как можно резче, я сбросила два полотенца и начала одеваться в уютную домашнюю одежду, которую я прихватила с собой, чтобы часть домашнего уюта распространилось и на этот старо-древний номер. Подошла к столу, почти сразу настрой сменился на более усидчивый и удивленный, я присела на одно колено, подумала, что оптимальным будет забраться под стол и поближе посмотреть, но не рассчитывала, что он настолько маленький, даже для меня. Фигура, позволяла протискиваться в такие места, да и азарт подбадривал на такие действия, потому, опираясь на обе руки, все ближе и ближе приближалась зрительно к этой надписи, стала заметна одна очевидная вещь, что вырезка на дереве в виде двух латинских заглавных букв была точно вырезана каким-то предметом, но не острым, как можно было себе представить раньше, а, судя по ширине вырезанной надписи и ее неоднородности, ее будто вычерчивали чем-то, снова и снова рисуя эти буквы, снова и снова надавливая и проводя по одному месту.

В номере выключился свет.

(Саона): А-А-А-а-а-а!!!

От такой неожиданности, дернувшись наверх всем телом в целях безопасности, чтобы полностью встать, совсем позабыла о том, что сверху меня часть стола, о которую стукнулась с большой силой от такого резкого выпада сначала головой, а потом и плечами со спиной.

Свет включили.

(Саона): Ах-х... что тут происходит, и как же больно!

Едва закончив свои возгласы про боль, я вдруг услышала, как в единственной полке, которая есть у этого стола, что-то зашелестело, но ведь ранее она была проверена мной, там ничего не было, полка была пустая, полностью. Это было очень странно, я не могла пропустить какую-то вещь, ведь в детстве у бабушки с дедушкой... в этот момент рассуждения рукой смахнула волосы на другую сторону, а другой рукой потеряв немного шею, начала поначалу расстраиваться, но потом нахмурилась и присела, чтобы открыть полочку. В детстве я такое не пропускала.

Стол был бежевых оттенков, и его орнамент по бокам, по всему прямоугольному периметру, очень выделялся, что-то в виде восточных иероглифов, сложно было сказать, что они обозначают, или даже представить, ведь совсем не разбиралась в этом, а у ручки от ящика были похожие иероглифы, да и сама ручка одного единственного ящика была сделана очень аккуратно, с выведенными вырезками на ней.

Я открывала ящик, а мое сердце начинала стучать все чаще, было приятное предвкушение, но немного боязливо, наконец выдвинув до конца, увидела кусочек бумаги ванильного цвета, пока ничем не примечательный, сложенный в несколько раз в ровный прямоугольник. Кажется, я поняла, как его пропустила, пока искала место своим вещам, он стоял в упор к внутренней боковине ящика и упирался в нее. Сам стол таких оттенков, что сложенный лист в несколько слоев бежево-ванильного цвета очень хорошо замаскировался, к тому же мне бы не пришло в голову, что кто-то сложит лист и всунет его между щелью двух досок внутри ящика, чтобы он держался, правда, как оказалось, до того момента, пока об него не стукнется головой, чуть ли не перевернув его.

Аккуратно разворачивая этот листок большего размера, чем тетрадный лист, сразу бросалась в глаза отметка SH, размером поменьше, чем на самом столе, вдавленная в лист, наподобие печати, изумрудного цвета, и, если провести по этой метке пальцем, можно почувствовать углубление этой надписи на бумаге. Развернув до конца лист бумаги чуть ниже, начиная от верхнего края и не доходя до конца нижнего, был написан стих, черной краской, красивым каллиграфным почерком, без названия и каких-либо обозначений, просто стих, и я уже начала его читать «Веками сложена...»:

Веками сложена листвою тишина,
Она не перестанет притворяться:
На фонаре отчетливо видна
Под мостовую в выброшенном ранце.
Захочется ее найти,
Созрешь, разгребая кучу,
Не километр к ней идти,
А время, главный твой попутчик.
Чтобы понять, когда к ней можно постучать,
Сначала закрывайте в прошлом двери,
И даже ту, о которой лишь молчать,
Пусть появилась на неделе.
Когда в одной и той же комнате застыв,
Воспоминания воют, как во дворе метели.
Осознаешь, в себе печаль, в глазах обрыв,
В котором заржавели все качели.
И озеро очистилось не сразу,
И ствол деревьев вырос не за день,
Страшись себя, а не какую-то заразу!
Что без стыда выкрикивают в мир.
В моменты ясности, отчетливо, как небо,
В тени людей, машин и всех причин,
Как следствие, лишь тишина одета,
В красивом платье – тишина любви.

Глава 6. Довериться случаю

(я): Я готов, давай.

На улице зима, конец января, довольно прохладная погодка выдалась в тот день, пришлось надевать перчатки, да такие, чтобы было тепло и довольно мягко. Как сейчас вспоминаю слова отца «Лучше возьми перчатки, в школе не будет лишних вопросов». Можно подумать, что это излишняя отцовская забота, ведь мало таких чутких отцов вы встретите в повседневной жизни, но не стоит сильно обольщаться по этому поводу, обычные зимние перчатки нужны не совсем по прямому их назначению.

В ту зиму после новогодних каникул в Москве я, как и все ученики четвертого класса, вернулся к своим ежедневным занятиям. Жили мы в обычном районе, так называемом спальном районе, где еще по какой-то причине, как я узнал это позже, осталось ранговое противостояние классов в школе. Очень хорошо звучит, можно представить битву классов на киберспортивной площадке по той или иной игре или спортивную эстафету по одному из направлений в спорте, а может, и сразу по нескольким дисциплинам, но это было далеко не то, что сейчас можно себе представить. Ранговая битва классов была придумана самими учениками задолго до моего класса, и было неясно, была ли это некая традиция со времен обучения самих родителей, чьи дети, мои одноклассники, продолжали ее самоотверженно и мужественно, или же это злостные козни старшеклассников, которые подкидывали идеи классам ниже, для того чтобы решить, кто же будет почивать на лаврах среди средних классов школы. Вот только сложно назвать такую битву гуманной или человеческой, ведь это были драки один на один между учениками разных классов. Сложно себе представить такие сходки в десять лет, однако они происходили, и в большинстве случаев о них знали только участники, и очень редко родители, как, например, в моем случае.

Взяв с собой перчатки в целях не разбить себе косточки на пальцах, по совету отца, я вышел на улицу и пошел на школьный стадион, который занесло снегом, что ничуть не мешало вытоптать нам место, где будет происходить разборка четвертого класса и пятого. В общей численности нас было десять, пять с четвертого, включая меня, и пять с пятого класса. Да, чтобы добраться до финальной битвы с шестым классом, нам нужно было победить пятый, что довольно логично, вот только несколько несправедливо, ребята, что на год старше, превосходили нас по росту и по весу.

Собравшись к определенному времени, пацаны десяти-одиннадцати лет, поглядывая друг на друга, даже обсуждая что-то между собой по началу, в последствии переходили на оскорбления, которые знали, а это буквально несколько слов, и постепенно отходили на небольшую дистанцию по пять человек, обсуждая, кто и в какую очередь будет драться. В глазах друзей, равно как и в своих, я наблюдал страх, это был детский страх неизведанного, таких стычек у меня не случалось до этого возраста, как и у большинства ребят, от чего становилось дурно и не по себе. Разобравшись с очередью, кто за кем дерется, мы образовали круг, все десять человек, и по одному, выходя из круга, бились один на один, невзирая на редких прохожих недалеко за стадионом. Драка заканчивалась в тот момент, когда один из дерущихся сдавался, либо пока кому-то не разобью губу, нос, пока не увидят кровь, а такие случаи были.

Моя очередь пришла, когда мой друг из-за чувства страха отказался драться с парнем чуть выше него самого. Было очень заметно, что им овладел страх, многие из нас понимали это, чувствовали это, но в том возрасте невозможно разумно смотреть на многие вещи, поэтому, как и в самой школе и в школьные времена, необходимо было искать пути решения, казаться сильнее, чем мы есть в столь юном возрасте, чтобы друга не приняли за слабака, а наш четвертый класс – за трусов. Поэтому вызвался я, несмотря на очередность, в тот момент общий азарт и боевой дух были сильнее, чем любая физическая сила пацанов десяти-одиннадцати лет.

Страх никуда не делся, перчатки были отброшены в сторону. Позабыв отцовский совет, я вышел в круг, чтобы драться.

(я): Чего ты ждешь, давай.

Вернувшись со своих воспоминаний, еще немного слышался шорох их хвоста в моих словах: «Была не была», – пусть даже, если это и уловка Тихе, отказаться и уйти уже поздно, да и совсем грубо будет с моей стороны. К тому же все происходящее действительно очень интригует.

Рука разжалась, и мне в руку упал маленький, очень легкий предмет. Это был миниатюрный кубик, имеющий восемь граней, по четыре на сторону, по форме напоминал две пирамиды, наложенные друг на друга их основаниями, а между этих пирамид был слой, настолько тонкий, что определить, что это такое, не представлялось возможным. Кубик имел окантовку в виде тонкой линии, что была видна в каждой его грани, сам по себе был темного цвета, однако цвет не был матовым или глянцевым, а больше походил на черный цвет камня, минерала в скальных породах. По размеру был чуть больше ногтя на мизинце, поэтому не удивлен, что Тихенсон с такой осторожностью передавал мне его.

(Тихенсон): Будь аккуратен, он крепкий, но не любит лишних манипуляций с ним.

(я): Ты так говоришь, будто он живой.

(Тихенсон): Может, и так, мистер Распут.

(Тихенсон): Если вы действительно хотите понять, поверните его верхнюю или нижнюю часть в любую сторону, какую вам удобно, а дальше мы поместим его в мое устройство.

Из-за своих небольших размеров с ним довольно сложно управиться, а боязнь его уронить плохо сказывается на микродвижениях пальцев. Перевернув его на другую сторону, я сжал кулак и потряс его, ничего необычного не произошло, лишь очередной раз убедился, что он очень легкий.

(Тихенсон): Ну же, смелее, поверните его.

Перебросил его на правую ладонь, чтобы взять левым центральным, указательным и большим пальцами, а после уже правыми пальцами повернул на себя против часовой стрелки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.